18612

Волковичъ. К. Д. Ушинскій

366

Волковичъ, В.
Прав. 62
18612

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

ДРУГЪ НАРОДА—К. Д. УШИНСКІЙ.

ГЛАВА I.

К. Д. Ушинскій и Н. И. Пироговъ. Ихъ взаимоотношеніе.

К. Д. Ушинскій горячо, страстно, какъ только позволялъ ему его пылкій темпераментъ, выступилъ на борьбу съ темными силами прошлаго, того прошлаго, съ которымъ неутомимо боролся и Н. И. Пироговъ. Не одинъ, и не два, казалось, понадобится цѣлый сонмъ реформаторовъ, живыхъ силъ общества, чтобы вывести его изъ педагогической апатіи. Но Н. И. Пироговъ и К. Д. Ушинскій дружными усиліями сумѣли многаго достигнуть: они встряхнули общество, вывели его изъ педагогической летаргіи, довели до сознательнаго и планомѣрнаго воспитанія. К. Д. Ушинскому, родившемуся въ 1824 году, досталось то же наслѣдіе отъ прошлаго, что и Н. И. Пирогову, т. е. застарѣлые недуги нашей дореформенной педагогики. Обоимъ реформаторамъ во время ихъ педагогической работы пришлось пережить суровый режимъ Николаевскаго времени и оба вздохнули болѣе свободно въ царствованіе Александра II, царя Освободителя.

Однородность пережитыхъ впечатлѣній жизни сказалась и въ отношеніяхъ К. Д. Ушинскаго къ жившему одновременно съ нимъ Н. И. Пирогову. Ушинскій убѣжденъ, что имя Пирогова безсмертно. Вотъ что говоритъ онъ: „имя Пирогова стоитъ не только высоко для своихъ соотечественниковъ, но имя это будетъ поставлено еще выше, когда страсти поуспокоятся, когда общество будетъ болѣе въ состояніи цѣнить людей, которые служили ему, не унижаясь до заискиванія его милостей: «одна суетность и близорукость ищутъ участія въ настоя-

щемъ», говорилъ самъ Н. И. Пироговъ“ [1]). К. Д. Ушинскій въ лицѣ Пирогова всегда видѣлъ своего наставника, руководителя, воспитателя. По поводу педагогическихъ взглядовъ и основного настроенія, выраженныхъ авторомъ „Вопросовъ жизни“, вотъ что говоритъ Ушинскій: „припомните, читатели, что это говоритъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ хирурговъ Европы, который много жилъ, много думалъ, много чувствовалъ, много видѣлъ человѣческихъ страданій, наблюдалъ человѣка въ тѣ минуты, когда спадаетъ съ него всякая маска, всякій оттѣнокъ притворства и тщеславія, что это говоритъ человѣкъ, который видѣлъ, какъ страдаютъ и умираютъ люди — и вы придадите этимъ простымъ, такъ откровенно высказаннымъ юношескимъ словамъ глубокое значеніе“.

„По всему видно, продолжаетъ Ушинскій, что въ началѣ эта статья („Вопросы жизни“) была писана не для публики; но именно эта-то непосредственность и придаетъ ей особенное значеніе: она вырывается здѣсь сама изъ души, много пережившей и перечувствовавшей, много любившей и много любящей“.

Предъ непосредственностью души, высокимъ, мудрымъ дѣтствомъ ея, къ которому былъ способенъ Н. И. Пироговъ въ зрѣломъ возрастѣ, глубоко преклоняется К. Д. Ушинскій. Онъ считалъ свойство души сохранять молодость и въ зрѣломъ возрастѣ глубочайшей основой истиннаго самовоспитанія человѣка, а также могучимъ средствомъ воспитанія другихъ.

Эта искренность, по его мнѣнію, объясняетъ огромное воспитательное вліяніе, которое имѣлъ Пироговъ въ недолгіе годы его педагогической карьеры. Никто такъ глубоко не захватывалъ и такъ ясно „золотыми словами“ не выражалъ насущныхъ вопросовъ воспитанія, какъ Н. И. Пироговъ, замѣчаетъ К. Д. Ушинскій. Потребность у Пирогова разсматривать воспитаніе съ философской [2]) точки зрѣнія, съ точки зрѣнія запросовъ человѣческаго духа, а не только съ точки зрѣнія школьной дисциплины, дидактики или правилъ физическаго воспитанія, вполнѣ была усвоена и К. Д. Ушинскимъ. „Требованіе Н. И. Пирогова «ищи быть и будь человѣкомъ», или воспитаніе прежде всего человѣка въ воспитанникѣ — дѣйствительно, говоритъ Ушинскій, столько же требованіе христіанства и современности, сколько и требованіе здравой педагогики, основанной на психологіи. Педа-

[1]) См. педагог. сочин. Пирогова.

[2]) Ibidem.

гогика, основанная на психологіи, совѣтуетъ намъ развивать душу человѣка, сообразно съ ея природою, а душа человѣка, по прекрасному выраженію Оригена, продолжаетъ Ушинскій, родится христіанкою: это и есть та ея гуманность, о которой наиболѣе обязано заботиться истинное воспитаніе". Изъ этихъ словъ Ушинскаго видно, какъ глубоко родственеиъ онъ первому реформатору и какъ неразрывно исторически, въ моментѣ сосуществованія и послѣдовательности, онъ связанъ съ нимъ.

Зрѣлость идей Пирогова и Ушинскаго роднитъ между собою обоихъ реформаторовъ, и для Ушинскаго имя Пирогова было всегда авторитетомъ въ жизни, которому онъ подчинялся, какъ зрѣлый умъ, критически. „Нѣтъ и не должно быть такого авторитета, мнѣніямъ котораго слѣдовало бы подчиняться слѣпо; нѣтъ и не должно быть такого авторитета, мнѣній котораго не должно было бы разбирать, опровергать, находить въ нихъ противорѣчія; но есть и всегда, къ счастью человѣчества, будутъ такія личности, которыя будутъ внушать глубокое уваженіе, несмотря на то, соглашаемся или не соглашаемся мы съ ихъ мнѣніями, и авторитетъ этихъ личностей служитъ для того, чтобы возбудить полное вниманіе къ тѣмъ мнѣніямъ, которыя онѣ излагаютъ, и вѣру въ искренность этихъ мнѣній". Такимъ, именно, авторитетомъ былъ всегда для Ушинскаго Н. И. Пироговъ.

Глубоко уважая Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскій считалъ, что жизнь Пирогова—великій образецъ, примѣръ и для другихъ. Вотъ что говорилъ по этому поводу самъ Ушинскій: „Мы знаемъ довольно, но мы желаемъ слабо; насъ слѣдуетъ не столько учить, сколько возвысить, укрѣпить; намъ нуженъ человѣкъ, примѣръ котораго увлекалъ бы насъ, жизнь котораго служила бы намъ великимъ образцомъ; а другой такой жизни, какова вся жизнь Н. И. Пирогова, мы не знаемъ въ Россіи, да и у другихъ народовъ такихъ жизней не много. Если Н. И. Пироговъ призываетъ насъ къ безкорыстной дѣятельности на пользу народа, если онъ говоритъ намъ о нравственной силѣ духа, если онъ указываетъ намъ необходимость нравственнаго самовоспитанія, какъ единственнаго средства дѣйствовать благотворно на воспитаніе народа, если онъ говоритъ намъ о религіи, нравственности, любви къ людямъ и любви къ отечеству, безкорыстіи, самопожертвованіи, то эти слова уже не однѣ громкія фразы, а дѣла, или укоряющія насъ въ бездѣйствіи, или призывающія насъ къ спасительной дѣятельности. Н. И. Пироговъ не только возбуждаетъ въ насъ желаніе дѣятельности

на пользу общественную, но и рождаетъ твердую увѣренность въ томъ, что эта дѣятельность не пропадетъ даромъ. Народъ, изъ среды котораго выходятъ такія личности, восклицаетъ Ушинскій, какова личность Н. И. Пирогова, можетъ съ увѣренностью глядѣть на свою будущность". Бывали тяжелыя минуты въ жизни К. Д. Ушинскаго, когда силы и твердость на время покидали его, и въ этихъ случаяхъ встрѣча, бесѣда съ Н. И. Пироговымъ надолго укрѣпляли его. „Пироговъ необходимъ для русскаго воспитанія",... „книги его должны быть настольными для каждаго русскаго человѣка, которому дорого отечественное просвѣщеніе",... „имя его не умретъ въ исторіи русскаго просвѣщенія", „развѣнчать, поколебать нравственный авторитетъ, который уже пріобрѣлъ Н. И. Пироговъ, никому не удастся"... „Личности, подобныя личности нашего знаменитаго хирурга и педагога, не боятся времени"... „Время ихъ искренній другъ: оно мало по малу возвращаетъ сѣмена, ими посѣянныя, и выдвигаетъ все ярче и ярче, ставитъ все выше и выше того, кого, можетъ быть, въ началѣ почти закрывали страсти и предразсудки современности. Чѣмъ грубѣе были нападки на Н. И. Пирогова, тѣмъ болѣе убѣждались мы въ полной необходимости такого человѣка для русскаго воспитанія. Самая злость и грубость этихъ нападокъ показывали намъ, какъ дурно мы воспитаны" [1]).

Горячо любя родину, всѣмъ сердцемъ мечтая о благѣ и счастьи ея, К. Д. Ушинскій положилъ за нее всю душу и жизнь свою. Если К. Д. Ушинскій такъ же, какъ и Пироговъ, считалъ, что измѣнить жизнь можно только путемъ измѣненія воспитанія, просвѣщенія народа, тѣмъ не менѣе путь къ разрѣшенію основныхъ вопросовъ воспитанія, какъ и основныхъ вопросовъ жизни, былъ избранъ К. Д. Ушинскимъ иной, свой собственный. Разность угла зрѣнія у того и другого реформатора при освѣщеніи вопросовъ воспитанія зависитъ отъ различія индивидуальныхъ особенностей Пирогова и Ушинскаго.

Крупный реформаторъ, столь же великій педагогъ, какъ и Н. И. Пироговъ, молодой 37-ми лѣтній К. Д. Ушинскій развивался на удобренной „Вопросами жизни" почвѣ. К. Д. Ушинскій на 14 лѣтъ былъ моложе Н. И. Пирогова. А 14 лѣтъ разницы въ духовномъ ростѣ педагогическаго міровоззрѣнія должны были сказаться и, дѣйствительно, сказались на педагогической работѣ другого реформатора, К. Д. Ушинскаго—сына русской земли, народнаго педагога прежде всего. Отмѣ-

[1]) Ibid.

чая *народность, національность* К. Д. Ушинскаго, мы вовсе не хотимъ, какъ это ошибочно, по нашему мнѣнію, дѣлаютъ другіе, противопоставить національность Ушинскаго космополитизму Н. И. Пирогова. Признавая вполнѣ національный характеръ педагогическихъ взглядовъ Пирогова, мы хотимъ только отмѣтить особую индивидуальную работу другого реформатора въ дѣлѣ развитія и раскрытія того, что отчасти уже намѣчалось въ системѣ перваго реформатора. Несмотря на родство и сходство образующихъ началъ той и другой педагогической системы, система К. Д. Ушинскаго должна быть признана во многихъ отношеніяхъ вполнѣ самобытной и оригинальной. Мы считаемъ въ высшей степени важнымъ для уясненія обще-педагогическихъ принциповъ русской педагогики, встрѣчающихся на всемъ протяженіи исторической жизни народа, указать черты сходства, разницы и, главное, *органическаго сродства* педагогическихъ системъ нашихъ первыхъ реформаторовъ, къ которымъ мы относимъ Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскаго, В. Я. Стоюнина и барона Н. А. Корфа.

Для того, чтобы глубже выяснить взаимоотношеніе обоихъ реформаторовъ, а именно К. Д. Ушинскаго и Н. И. Пирогова, познакомимся ближе съ личностью К. Д. Ушинскаго и разберемъ условія, создавшія опредѣленный духовный образъ второго русскаго реформатора воспитанія. Подобнаго рода выясненіе личности педагога позволяетъ ближе и глубже понять и самую педагогическую систему творца ея [1]).

ГЛАВА II.

Личность К. Д. Ушинскаго и условія, создавшія ее.

Глубокая искренность Ушинскаго—характерная особенность его,—и она глубоко роднитъ его съ Н. И. Пироговымъ. Правдивость Ушинскаго не признавала никакихъ компромиссовъ и проявлялась въ жизни съ безыскусственной, непосредственной силой, вытекавшей изъ духовной одаренности его. Ушинскій былъ человѣкомъ глубокой разнообразной, по идейному содержанію, иниціативы. Богатое разнообразіе душевныхъ способностей К. Д. Ушинскаго привязывало къ нему почти всѣхъ, соприкасавшихся съ нимъ. Очень многіе, чувствуя на себѣ его духовное вліяніе, любили его и подчинялись ему.

Дѣйствительно, Ушинскій обладалъ секретомъ дѣйствовать на все и всѣхъ вдохновляющимъ образомъ. Какой-нибудь журналъ еле влачитъ

[1]) См. нашу книгу „Другъ человѣчества“ Н. И. Пироговъ“. 1910 г.

свое существованіе, вотъ, вотъ заглохнетъ и умретъ. Стоитъ сдѣлаться редакторомъ этого журнала К. Д. Ушинскому, и дѣло начинаетъ процвѣтать до неузнаваемости. И такъ во всемъ.

Тайну животворнаго своего вліянія К. Д. Ушинскій унесъ съ собой въ могилу, но частью открылъ намъ въ системѣ созданнаго имъ новаго воспитанія. Мы знаемъ, что К. Д. Ушинскій всегда глубоко вѣрилъ въ свободную волю человѣка, какъ въ психическій фактъ, присущій душѣ; вѣроятно, эта глубокая вѣра въ свободу самого его дѣлала свободнымъ, сильнымъ и мощнымъ

Долго и много трудился К. Д. Ушинскій надъ собой, пока достигъ полной гармоніи между желаніемъ и дѣломъ жизни.

Сохранился въ дневникѣ его интересный рецептъ, составленный имъ для собственной духовной терапіи [1]): 1) Спокойствіе совершенное, по крайней мѣрѣ, внѣшнее. 2) Прямота въ словахъ и поступкахъ. 3) Обдуманность дѣйствій. 4) Рѣшительность. 5) Не говорить о себѣ безъ нужды ни одного слова. 6) Не проводить времени безсознательно; дѣлать то, что хочешь, а не то, что́ случится. 7) Издерживать только на необходимое или пріятное, а не по страсти издерживать. 8) Каждый вечеръ добросовѣстно давать отчетъ въ своихъ поступкахъ. 9) Ни разу не хвастать ни тѣмъ, что было, ни тѣмъ, что́ есть, ни тѣмъ, что будетъ. 10) Никому не показывать этого журнала. А дальше въ дневникѣ слѣдуютъ такія замѣчанія: „Погрѣшилъ противъ 1-го №, разгорячился на урокѣ невольно, но тотъ же часъ утихъ. 22-е. Ошибка противъ 5-го правила. 22-е. Погрѣшилъ противъ 1-го №. Бурчливость сдѣлаетъ изъ меня старую сварливую бабу. 23-е. № 1. Я такъ раскричался, будто у меня все погибло, и даже поколотилъ Ваньку за то, что у меня ноги болѣли. Вышло все понапрасну. Вотъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ моихъ пороковъ! Отъ четверга до слѣдующаго четверга попробую не измѣнить ни разу правилу подъ № 1. 24-е. Не записывалъ. 25-е. Совралъ безъ нужды. 26-е. Ничего не записывалъ и ни противъ одного, кромѣ сего, правила не согрѣшилъ. 27-е. Ничего не написалъ. Тщеславіе разгулялось и нарушило два правила: 1-е и 9-е. 28-е. Не согрѣшилъ ни противъ одного—нѣтъ! Нѣтъ!.. Сдѣлалъ самую глупую издержку; занялъ деньги за адскіе проценты, когда совсѣмъ было не нужно! Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ! 29-е. Кажется, я сегодня не согрѣшилъ ни противъ одного изъ моихъ правилъ, но это должно

[1]) Смотр. „Матеріалы для Педаг. Антропол., т. III и матеріалы для біографіи“ 1908 г., стр. 32.

быть оттого, что я сегодня никого не видалъ, кромѣ моихъ учениковъ. 30-е. . . . . Болтать, болтать и вѣчно не думавши, безъ нужды болтать,—когда же это кончится? На этотъ порокъ должно обратить особенное вниманіе, и мнѣ теперь есть случай удерживаться отъ глупой болтовни. Посмотримъ! 2-го апрѣля [1]). Что за удовольствіе, что за глупое желаніе занимать собою встрѣчнаго и поперечнаго! До какихъ глупостей и низостей доводитъ оно! О, молчать гораздо труднѣе, чѣмъ говорить! Этимъ порокомъ займусь я, особливо теперь, и постоянно буду давать себѣ въ немъ отчетъ. Мнѣ кажется, это происходитъ отъ неувѣренности въ собственной своей личности, отъ неуваженія къ себѣ. 15-го апрѣля 1845 г. [2]). Москва. Соболевъ переулокъ, домъ Мурашева. Черезъ 20 минутъ раздается колокольный звонъ, извѣщающій, что для вѣрующихъ Воскресъ Христосъ! Спаситель!.. Кто бы Ты ни былъ, я вѣрую Твоему Воскресенію! Помоги мнѣ сдѣлать все доброе, что́ я могу! Благослови дѣла мои, если они будутъ благи, отвергни злыя! Не за себя молю, но за благо, которое могу совершить"!...

Красной нитью черезъ весь дневникъ К. Д. Ушинскаго проходитъ стремленіе усовершенствоваться, уничтожить или побѣдить добромъ человѣческія слабости свои. Отъ 15-го апрѣля мы читаемъ: „Пошелъ въ Шереметьевскую церковь,—скоро ушелъ, и, глядя подъ темнымъ небомъ, усѣяннымъ звѣздами, на прекрасный, освѣщенный храмъ, полный народа, ждущаго входа священниковъ съ дивнымъ „Христосъ Воскресе!", глядя на этихъ священниковъ въ блестящихъ ризахъ, стариковъ, возглашающихъ во мракѣ ночи Воскресеніе Творца безконечнаго неба, растилающагося надъ ихъ головами,—я плакалъ... Торжество истины меня растрогало глубоко! Давно этотъ праздникъ дѣйствуетъ на мою душу, но какъ различно всегда. О, Провидѣніе, дозволь мнѣ страдать и умереть за истину и умереть въ неизвѣстности!.. Но надо быть чистымъ, чтобы удостоиться такого великаго выбора. На алтарь истины чистую жертву приносить должно, а не мою грязную жизнь! Ничтожное созданіе"!... Отъ 19-го декабря 1849 г. [3]) мы читаемъ: „Какая-то лихорадочность въ моихъ способностяхъ... За дѣло! За дѣло!... Снова—самое строгое наблюденіе надъ собою, надъ своимъ характеромъ и способностями! Сдѣлать какъ можно болѣе пользы моему отечеству—вотъ единственная цѣль

[1]) См. ibid., стр. 39.
[2]) Ibid., стр. 43.
[3]) Ibid., стр. 47.

моей жизни и къ ней-то я долженъ направлять всѣ свои способности... Нужно умѣть принудить себя заниматься и тогда, когда нѣтъ во мнѣ энергіи, убѣдившись опытомъ, что это паденіе души только временно, и что небольшое усиліе надъ собою всегда вознаграждается рождающеюся въ ней энергіей"...

К. Д. Ушинскій постоянно боролся съ собою, держалъ себя, дѣйствительно, въ ежевыхъ рукахъ. Подчасъ и на него находили минуты отчаянія, особенно, когда жизнь складывалась противъ него. Отъ 23-го декабря того же года К. Д. Ушинскій записалъ слѣдующее [1]): „Достаточно одного легкаго намека, одного слова, отъ котораго повѣяло бы свѣжестью деревни, чтобы обратить всѣ самыя жаркія желанія души моей къ природѣ, къ жизни мирной, сельской, чтобы наполнить все существо мое тоскою и отвращеніемъ къ жизни городовъ, столицъ, къ службѣ, къ этимъ ничтожнымъ и безполезнымъ занятіямъ, къ этой грязной, тѣсной, душной сферѣ, въ которой заставляетъ меня стонать немилосердная судьба! Какъ неестественна наша жизнь!.. [2]). Много ли я прошу у тебя, судьба? Самый маленькій уголокъ подъ яснымъ небомъ, посреди благоухающихъ полей, тѣнистыхъ рощъ, умѣренный трудъ и забытье, забвеніе всѣхъ и отъ всѣхъ. Я могъ бы еще просить у тебя любимой женщины и добрыхъ друзей... Но ты такъ скупа! Неужели мнѣ придется погибнуть въ этой тюрьмѣ... въ которой нѣтъ даже стѣнъ, чтобы разбить себѣ голову? Почему тебѣ хочется меня испортить, загрязнить, истоптать и тогда уже бросить въ землю? О, неужели же цѣлый вѣкъ исканій, цѣлый вѣкъ этихъ глупыхъ, безцѣльныхъ, ребяческихъ заботъ?.. Я не хочу ничего, я не хочу никуда, куда ты толкаешь меня, о, нищета проклятая!.. Чиновничій пролетаріатъ — едва ли не самый грустный, самый тяжелый пролетаріатъ въ мірѣ, и по крайней мѣрѣ — самый убійственный... Душа отравляется мало-по-малу, жизнь истощается съ болью и по каплямъ... И много нужно времени, пока перестанешь презирать свою жизнь, пока сойдешь съ ума и помиришься съ нею"!...

Пироговъ, по сравненію съ К. Д. Ушинскимъ, много спокойнѣе и холоднѣе. Конечно, и Пироговъ не чуждъ былъ вдохновенія, а также и всякаго рода сомнѣній, но онъ умѣлъ уравновѣсить себя на столько, что жгучей, почти неуравновѣшенной, пылкости характера Ушинскаго

---

[1]) Ibid., стр. 48.
[2]) Ibid., стр. 49.

въ немъ не было замѣтно. Оба одинаково велики, во многомъ даже сходны, но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко различны.

Работоспособность Ушинскаго являлась примѣромъ для другихъ. Выдержку характера, упорство и желѣзную рѣшимость К. Д. Ушинскій выработалъ постепенно. Это мы видимъ и изъ дневника К. Д. Ушинскаго, относящагося къ университетскимъ годамъ его, гдѣ дается интересное распредѣленіе дней его [1]).

Будучи молодымъ профессоромъ Демидовскаго лицея въ гор. Ярославлѣ, К. Д. Ушинскій сумѣлъ въ короткое время заразить всѣхъ желаніемъ трудиться, улучшить себя, привилъ любовь къ наукѣ въ молодомъ поколѣніи. Становится ли К. Д. Ушинскій во главѣ Гатчинскаго сиротскаго института, онъ весь отдается работѣ улучшенія воспитательнаго дѣла и увеличенія счастья бѣдныхъ дѣтей и, дѣйствительно, достигаетъ блестящихъ результатовъ. Если чувствуетъ себя неподготовленнымъ къ тому или другому новому дѣлу, ретиво, безъ промедленія, онъ принимается за разработку всего, что считаетъ для себя необходимымъ, будь это изученіе незнакомой ему до этого педагогической литературы, или скучное изученіе незнакомаго ему иностраннаго языка. Благодаря работамъ Ушинскаго, русскія сироты поставлены въ лучшія, чѣмъ прежде, условія школьной жизни; въ самомъ же Гатчинскомъ институтѣ, гдѣ инспекторомъ былъ Ушинскій, многое здоровое, улучшенное, что введено было тамъ, неразрывно связано съ именемъ К. Д. Ушинскаго.

Сталъ К. Д. Ушинскій инспекторомъ Смольнаго института (Николаевской и Александровской половинъ), и тутъ работа въ рукахъ его начинала кипѣть, оживляя, оплодотворяя новой жизнью не только воспріимчивую къ свѣжей мысли молодую душу воспитанницъ, но захватывая подчасъ и наиболѣе консервативную воспитательную корпорацію института. И для этихъ людей горячая правда словъ и дѣла К. Д. Ушинскаго оказалась черезчуръ сильной, она пробудила небывалую дотолѣ въ ихъ сердцахъ любовь къ ввѣреннымъ ихъ попеченію дѣтямъ. Но, къ сожалѣнію, не всѣхъ захватила осуществленная К. Д. Ушинскимъ въ институтѣ педагогическая правда. Завистливая клевета и злоба сумѣла свить себѣ гнѣздо подъ стѣнами воспитательно-учебнаго заведенія и Ушинскаго обвинили въ „неблагонадежности“. Только высокое покровительство и заступничество императрицы Маріи Александровны спасло К. Д. Ушинскаго.

[1]) См. собраніе неизданныхъ сочиненій К. Д. Ушинскаго „Матеріалы для Педагог. Антропологіи т. III и Матеріалы для біографіи“. 1908 г. С.-Пб.

До сихъ поръ остается тайной происшедшее, но съ результатами мы знакомы: К. Д. Ушинскій цѣлую ночь напролетъ офиціально отписывался, обѣляя себя и свою, болѣе чистую, конечно, чѣмъ у его обвинителей, совѣсть.

Докладъ по начальству былъ написанъ, вѣрнѣе, глубоко выстраданъ за нѣсколько сутокъ отписки, такъ что, когда К. Д. Ушинскій всталъ изъ-за письменнаго стола послѣ перенесенной работы, окружающіе не узнали его: молодой Ушинскій, въ расцвѣтѣ духовныхъ силъ, посѣдѣлъ за эти дни и началъ харкать кровью.

Будучи инспекторомъ Смольнаго института, К. Д. успѣвалъ не только образцово поставить и вести учебную часть института, но вмѣстѣ съ тѣмъ приготовлялъ свои учебники „Родное Слово“, „Дѣтскій Міръ“, писалъ педагогическія статьи въ журналахъ, собиралъ къ себѣ по четвергамъ все свѣжее и лучшее изъ Петербургскаго общества, и далеко за полночь педагогическіе споры на квартирѣ инспектора-педагога соединяли всѣхъ помощниковъ его по дѣлу развитія педагогическихъ взглядовъ въ Россіи. Многое изъ реформъ Ушинскаго созрѣло въ головѣ его на этихъ, именно, бесѣдахъ. Какой притягательной личностью былъ Ушинскій, можно судить по тому, что „четверги“ его, несмотря на отдаленность института отъ города, почти постоянно собирали всѣхъ наличныхъ его знакомыхъ.

Не только въ качествѣ инспектора Гатчинскаго и Смольнаго институтовъ, но и въ качествѣ преподавателя педагогики и словесности, К. Д. Ушинскій былъ образцовымъ педагогомъ-практикомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе ученики и ученицы его. Но будучи образцовымъ практикомъ, К. Д. Ушинскій и теоретически былъ глубоко подготовленъ къ дѣлу воспитанія, признавая значеніе изученія общей и исторической педагогики въ качествѣ подготовительнаго орудія для воспитательной дѣятельности. Самъ будучи теоретически подготовленнымъ, Ушинскій и отъ воспитателей требовалъ той же подготовки.

Ушинскій считалъ [1]), что обязанность воспитателя зорко слѣдить за тѣмъ, что совершается въ жизни и наукѣ, но не слѣдовать непремѣнно за тѣми увлеченіями, которыя свойственны и жизни, и наукѣ; вносить изъ нихъ въ школу слѣдуетъ лишь то, что составляетъ *дѣйствительное* пріобрѣтеніе человѣчества. Отсюда видно, какой зрѣлости требовалъ Ушинскій отъ воспитателя. И эту зрѣлость воспитатель можетъ почерпнуть изъ изученія человѣческой природы въ

[1]) Антропологія, I и II т.

ся вѣчныхъ основахъ, въ ея современномъ состояніи и въ ея историческомъ развитіи, что и составляетъ, по мнѣнію Ушинскаго, основу педагогики въ широкомъ смыслѣ слова.

Требованія, предъявляемыя педагогу, Ушинскій такъ же, какъ и Пироговъ, группировалъ вокругъ основного требованія—любви къ человѣку. Казалось, Ушинскому хотѣлось видѣть всѣхъ счастливыми, а дѣтей, учащихся, особенно. Дѣйствительно, школьное время [1]) было свѣтлымъ періодомъ въ жизни у тѣхъ дѣтей, гдѣ воспитателемъ былъ Ушинскій, который любилъ ихъ, во всемъ подавалъ примѣръ, а школу обращалъ въ „мастерскую гуманности“, смягчая въ ней сердца дѣтей. Горячо любя дѣтей, не менѣе горячую взаимность онъ получалъ и отъ нихъ, хотя эта любовь всегда была соединена съ уваженіемъ къ нему и не переходила въ распущенность.

Дочь К. Д. Ушинскаго, въ настоящее время мать семейства, въ разговорѣ съ нами, на вопросъ: „а какъ вы относились къ отцу?“ отвѣтила: „мы его горячо любили, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень боялись“.

Ушинскій завѣщалъ всѣмъ, занимающимся педагогическимъ трудомъ, любить дѣтей, вызывать въ нихъ то же чувство къ человѣчеству, любить свободный трудъ и науки, развивать естественную пытливость и любознательность, вливать разнообразіе въ занятія, обращаться всегда гуманно и вѣрить въ свѣтлое будущее [2]).

Богато одаренный отъ природы, К. Д. Ушинскій самъ признавалъ, что двѣ силы вліяютъ на образованіе человѣка: индивидуальность и среда. Въ понятіе среды входило, по мнѣнію Ушинскаго, преднамѣренное и непреднамѣренное воспитаніе. Индивидуальныя личныя черты Ушинскаго были нами сейчасъ отмѣчены. Что касается среды, какъ условія, въ которомъ образовался опредѣленный характеръ Ушинскаго, мы должны отмѣтить троякаго рода вліяніе этой среды: 1) историческій моментъ: эпоха великихъ реформъ, освободительное настроеніе 60-хъ годовъ царствованія Александра II; 2) особо благопріятная семейная и школьная обстановка; 3) двѣ случайности, опредѣлившія К. Д. Ушинскаго, какъ педагога-реформатора.

Перваго касаться не будемъ, такъ какъ упоминали уже объ этомъ въ предыдущей главѣ. Разсмотримъ два другія вліянія, оказавшихся столь благопріятными для развитія индивидуальной одаренности

[1]) См. *М. Соколова*, „Значеніе К. Д. Ушинскаго для нашей народной школы“. Русская Школа 1896 г. январь.

[2]) Ibidem.

К. Д. Ушинскаго. Малорусская, дворянская семья съ хорошимъ по тому времени достаткомъ, образованный отецъ, миръ и тишина въ семьѣ, теплая ласка и воспитывающее вліяніе матери до 11-лѣтняго возраста, новыя ласки и нѣжность образцовой мачехи съ сознательнаго возраста—все это закладывало въ дѣтскую воспріимчивую душу К. Д. Ушинскаго сѣмена для богатой будущей духовной жатвы. Школьные годы въ Новгородсѣверской гимназіи Черниговской губерніи возлѣ ихъ имѣнія, куда К. Д. Ушинскій мальчуганомъ третьяго класса ходилъ пѣшкомъ, за 4 версты въ одинъ конецъ, изъ своего имѣнія по крутому берегу Десны каждый день. Близость съ товарищами не дворянской крови, раннее знакомство съ нуждой другихъ, любовь, доходящая до обожанія, къ образцовому педагогу-директору гимназіи Тимковскому, все это сильно гуманизировало впечатлительную, нѣжную душу Ушинскаго. Вотъ почему мы видимъ, съ какой готовностью и въ раннемъ дѣтствѣ идетъ К. Д. Ушинскій навстрѣчу горю, несчастью другого, кто бы этотъ другой ни былъ, стараясь всѣмъ, чѣмъ можетъ, подѣлиться съ другими. „А воля, просторъ, а природа, прекрасныя окрестности городка, а эти душистые овраги и колыхающіяся поля, а розовая весна и золотистая осень — развѣ не были нашими воспитателями?“ говоритъ Ушинскій [1]). „Зовите меня варваромъ въ педагогикѣ“, продолжаетъ въ томъ же письмѣ Ушинскій, „но я вынесъ изъ впечатлѣній моей жизни глубокое убѣжденіе, что прекрасный ландшафтъ имѣетъ такое огромное воспитательное вліяніе на развитіе молодой души, съ которымъ трудно соперничать вліянію педагога, что день, проведенный ребенкомъ посреди рощъ и полей, когда его головою овладѣваетъ какой-то упоительный туманъ, въ теплой влагѣ котораго раскрывается все его молодое сердце для того, чтобы беззаботно и безсознательно впитывать въ себя мысли и зародыши мыслей, потокомъ льющіеся изъ природы, что такой день стоитъ многихъ недѣль, проведенныхъ на учебной скамьѣ. Толстыя каменныя стѣны учебныхъ заведеній большихъ городовъ, дѣтскія кровати, поставленныя необозримыми рядами, жизнь по колокольчику или барабану, толстый швейцаръ у дверей, этотъ неумолимый церберъ дѣтскаго ада, вокругъ камень и желѣзо, желѣзо и камень, не только безъ малѣйшаго обрывка зелени, но даже безъ куска земли, наверху—кусокъ вѣчно закрытаго неба, внутри—то гробовое молчаніе, то официальный гулъ, въ которомъ исчезаетъ всякая

[1]) См. „К. Д. Ушинскій“. *М. Песковскаго*, изд. Павленкова.

личность, повсюду сердитые аргусовскіе глаза купленнаго надзора, повсюду форма и чинность, вѣчная чистка и лакировка, — все это вѣетъ на меня какой-то безвыходной тоской, какой-то мучительной безсмыслицей; я бы, кажется, не прожилъ и мѣсяца такою жизнью".

Близость къ природѣ и Ушинскаго заставляла болѣе чутко относиться къ красотамъ ея, изощряя способности его. Разнообразная природа Малороссіи надѣлила его богатыми литературными способностями, способностями выдающагося беллетриста, что признавалъ въ немъ и Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

О воспитывающихъ моментахъ уединенія на лонѣ природы, на кручахъ берега Десны, К. Д. Ушинскій говоритъ самъ такъ [1]): „Боже мой, сколько перемечталось на этомъ прекрасномъ берегу, на этихъ „кручахъ", нависшихъ надъ рѣкою. Какъ оживлялась и наполнялась впечатлѣніями жизнь моя, когда приближалась весна! Я слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ, за каждой малѣйшей перемѣной въ борьбѣ зимы и лѣта. Тающій снѣгъ, чернѣющій ледъ рѣки, расширяющіяся полыньи у берега, проталины въ саду, земля, проглядывающая тамъ и сямъ изъ-подъ снѣга, прилетъ птицъ, оживающій лѣсъ, шумно бѣгущіе съ горъ ручьи — все было предметомъ моего страстнаго, недремлющаго вниманія, и „впечатлѣнія бытія" до того переполняли мою душу, что я ходилъ, какъ полупьяный. Вотъ и снѣгу нѣтъ болѣе, и непріятная нагота деревьевъ въ саду замѣнилась со всѣхъ сторонъ манящими, таинственными зелеными глубинами; вотъ и вишни брызнули молокомъ цвѣтовъ, зарозовѣли яблони, каштанъ поднялъ и распустилъ свои красивые султаны, и я бѣжалъ каждый разъ изъ гимназіи домой, какъ будто меня ждало тамъ и не вѣсть какое сокровище. И, въ самомъ дѣлѣ, развѣ я не былъ страшнымъ богачемъ, милліонеромъ, въ сравненіи съ дѣтьми, запертыми въ душныхъ стѣнахъ столичнаго пансіона. Какія впечатлѣнія могутъ быть даны имъ взамѣнъ этихъ живыхъ, сильныхъ, воспитывающихъ душу впечатлѣній природы? Послѣ уже будетъ поздно пользоваться ими, когда сердце утратитъ свою дѣтскую мягкость, а разсудокъ станетъ между человѣкомъ и природой". Задерживать дѣтей въ столичныхъ и другихъ городскихъ учебныхъ заведеніяхъ на лѣто Ушинскій находилъ чрезвычайно вреднымъ въ воспитательномъ отношеніи. Съ этимъ не примирялось любящее дѣтвору сердце Ушинскаго, не примирялось уже потому, что онъ видѣлъ и понималъ, что успѣшнѣе свободной при-

[1]) *Песковскій*, „К. Д. Ушинскій", изд. Павленкова.

роды деревни и теплой ласки семьи, никто не сумѣетъ привязать къ родинѣ, развить чувство здороваго патріотизма, никто прочнѣе не заложитъ воспитательные идеалы для лучшаго будущаго. Ушинскій говоритъ по этому поводу слѣдующее [1]): „Не дурно, если бы и нашихъ институтокъ водили хоть раза два въ годъ куда-нибудь за городъ, а то иная въ десять лѣтъ лучшей поры, когда именно развивается въ человѣкѣ любовь къ природѣ, имѣющая такое благодѣтельное вліяніе на развитіе человѣческой души, не увидитъ даже полевого цвѣтка, а не то, что колоса ржи. Природа есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ агентовъ въ воспитаніи человѣка, и самое тщательное воспитаніе безъ участія этого агента всегда будетъ отзываться сухостью, односторонностью, непріятною искусственностью. Бѣдное дитя, если оно выросло, не сорвавъ полевого цвѣтка, не помявши на волѣ зеленой травы! Никогда оно не разовьется съ тою полнотою и свѣжестью, къ которымъ способна душа человѣческая: развитіе его всегда будетъ отзываться душною атмосферою запертыхъ зданій“.

Эпоха великихъ реформъ, народническое движеніе чистаго идеализма 40-хъ годовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и вліяніе Бѣлинскаго, увлеченіе лучшихъ силъ общества наукой и вѣра въ нее—застало Ушинскаго на университетской скамьѣ въ Москвѣ. Юридическое образованіе воспитало въ К. Д. Ушинскомъ убѣжденіе, что въ жизни сила заключается не въ правѣ силы, а въ силѣ права. Чувство законности и справедливости, заложенныя уже въ семьѣ, нашли благопріятную питательную среду въ университетѣ.

Если прибавимъ мы къ этому нравственное вліяніе на К. Д. Ушинскаго, какъ и на другую молодежь того времени, такихъ учителей и вмѣстѣ съ тѣмъ воспитателей въ лучшемъ смыслѣ слова, какъ Грановскій, родственный по духу К. Д. Ушинскому, и Рѣдкинъ, человѣкъ строгой логики и силы мысли,—мы ясно поймемъ тогда, какъ многообразно и плодотворно были проведены университетскіе годы К. Д. Ушинскимъ. Стѣсненія въ матеріальныхъ средствахъ родителей ко времени прохожденія университетскаго курса, заставившія его обратиться къ частнымъ урокамъ для пріисканія средствъ къ существованію, больше прежняго закалили характеръ Ушинскаго, обогащая его практически въ молодомъ возрастѣ педагогическимъ опытомъ. Неблагопріятное, можетъ быть, для другихъ условіе жизни дѣйствовало на Ушинскаго, какъ на личность исключительную, только положительнымъ образомъ.

[1]) „Письма изъ Швейцаріи“, стр. 375.

Выясняя всю совокупность данныхъ, вліяющихъ на образованіе опредѣленнаго характера личности К. Д. Ушинскаго, мы не можемъ не упомянуть о двухъ случайностяхъ, дѣйствіе которыхъ оказалось роковымъ для К. Д. Ушинскаго, круто и рѣшительно опредѣливъ человѣка съ юридической подготовкой къ педагогической дѣятельности. Одна изъ этихъ случайностей, была слѣдующая: будучи инспекторомъ Гатчинскаго Сиротскаго Института, Ушинскій нашелъ запечатанный шкафъ въ институтѣ, отъ котораго всѣ бѣжали, какъ отъ зачумленнаго, такъ какъ шкафъ этотъ наполненъ былъ книгами, собранными покойнымъ инспекторомъ института Гугелемъ, котораго всѣ считали чудакомъ, мечтателемъ, „человѣкомъ не въ своемъ умѣ". А въ двухъ запыленныхъ, почернѣвшихъ отъ времени, 20 лѣтъ не распечатываемыхъ шкафахъ оказалась рѣдкая цѣнность: первая на Руси большая педагогическая библіотека.

Чувствуя въ себѣ педагогическую неподготовленность къ роли инспектора, Ушинскій съ жадностью принялся за изученіе этой библіотеки и нашелъ въ ней много цѣннаго, поучительнаго для себя. Объ этой находкѣ, Ушинскій писалъ слѣдующее [1]): „Это было въ первый разъ, что я видѣлъ собраніе педагогическихъ книгъ въ русскомъ учебномъ заведеніи. Этимъ двумъ шкафамъ я обязанъ въ жизни очень, очень многимъ, и—Боже мой!—отъ сколькихъ бы грубыхъ ошибокъ былъ избавленъ я, если бы познакомился съ этими двумя шкафами прежде, чѣмъ вступилъ на педагогическое поприще! Человѣкъ, заведшій эту библіотеку, былъ необыкновенный у насъ человѣкъ. Это едва ли не первый нашъ педагогъ, который взглянулъ серьезно на дѣло воспитанія и увлекся имъ. Но горько же и поплатился онъ за это увлеченіе. Покровительствуемый счастливыми обстоятельствами, онъ могъ нѣсколько лѣтъ проводить свои идеи въ исполненіе; но вдругъ обстоятельства измѣнились, и бѣднякъ-мечтатель окончилъ свою жизнь въ сумасшедшемъ домѣ, бредя дѣтьми, школою, педагогическими идеями. Не даромъ же послѣ него закрыли и запечатали его опасное наслѣдство. Разбирая эти книги, исписанныя по краямъ одною и тою же мертвою рукою, я думалъ: лучше было бы, если бы онъ жилъ въ настоящее время, когда уже научились цѣнить педагоговъ и педагогическія идеи".

Другое обстоятельство случайнаго характера, опредѣлившее педагогическую дѣятельность К. Д. Ушинскаго, было слѣдующее: редак-

[1]) „Письма изъ Швейцаріи", стр. 376.

торъ „Библіотеки для чтенія“ Старчевскій прислалъ Ушинскому нумера англійскаго журнала „Atheneum“ для перевода статей объ образованіи и воспитаніи въ Америкѣ. Статьи увлекли Ушинскаго и не замедлили сказаться на немъ тѣмъ, что рѣшительно опредѣлили его судьбу, какъ педагога-реформатора. Самъ Ушинскій объ этомъ впечатлѣніи говоритъ такъ [1]): „Зачѣмъ прислали Вы мнѣ статьи объ американскомъ воспитаніи? Вращаясь постоянно въ училищномъ кругозорѣ, ознакомившись поближе съ дѣтьми, которыхъ надо развить, учить и воспитывать, я, по прочтеніи „Atheneum“, не могъ спать нѣсколько ночей! Статьи произвели страшный переворотъ въ моей головѣ, въ моихъ понятіяхъ, убѣжденіяхъ. Онѣ подняли въ моемъ умѣ цѣлый рой вопросовъ по воспитанію и образованію; навели меня на многія, совершенно новыя, мысли, которыя, безъ этихъ статей, пожалуй, никогда не пришли бы мнѣ въ голову. Я не знаю, что я сдѣлаю, что со мною будетъ, но я рѣшился посвятить себя съ этого дня исключительно педагогическимъ вопросамъ“. Путь педагога былъ избранъ и чреватая для будущаго работа новаго реформатора была осуществлена въ 15-ти лѣтней педагогической дѣятельности и въ созданной имъ самимъ педагогической системѣ, съ ярко выраженнымъ національнымъ характеромъ ея.

ГЛАВА III.

Педагогическая система К. Д. Ушинскаго, какъ міровоззрѣніе его.

А. *Связь педагогики съ философіей. Гуманистическій реализмъ.*

Раскрывая педагогическое ученіе К. Д. Ушинскаго, какъ систему философски-научно обоснованную, мы не стремимся въ нашемъ освѣщеніи къ оригинальности взгляда; мы будемъ удовлетворены, если намъ удастся углубить педагогическіе взгляды К. Д. Ушинскаго, ихъ систематизировать, найти основную педагогическую идею, объединяющую все многообразно высказанное К. Д. Ушинскимъ по вопросамъ воспитанія и обученія въ одно связное философское міровоззрѣніе, и сдѣлать выводы, важные для нашихъ главныхъ задачъ изслѣдованія, а именно: 1) разсмотрѣть нашихъ реформаторовъ новой русской педагогики съ точки зрѣнія исторической преемственности и 2) показать, что каждый изъ нихъ вноситъ, какъ образующія начала

[1]) *Песковскій*, „К. Д. Ушинскій“.

сложнаго цѣлаго, въ сокровищницу названной нами философіи новой русской школы [1]).

Можетъ показаться страннымъ, какъ это можно называть К. Д. Ушинскаго представителемъ философско-научной педагогики?! Въ этомъ возможномъ недоумѣніи мы различаемъ для себя три вопроса: 1) представляетъ ли изъ себя ученіе Ушинскаго систему? 2) обоснована ли она философски? 3) можно ли считать эту систему такой, что она впервые даетъ намъ право разсматривать педагогику, какъ науку?

Въ то время, какъ самъ Ушинскій признаетъ необходимымъ философски обосновывать педагогику, т. е. связывать педагогику съ философіей, съ запросами человѣческаго духа, и, сообразно съ этимъ, разрабатываетъ свое ученіе о воспитаніи въ видѣ системы, т. е. отвѣчаетъ на первый и второй вопросы положительно, на третій поставленный нами вопросъ онъ даетъ отрицательный отвѣтъ. Чтобы ясно обнаружить справедливость высказаннаго, попробуемъ подробнѣе раскрыть педагогическое ученіе Ушинскаго.

Признавая необходимость прежде всего общечеловѣческаго образованія въ духѣ Пирогова, К. Д. Ушинскій не останавливается на этомъ признаніи, но задается вопросами: какъ его слѣдуетъ понять? Не является ли понятіе „воспитаніе человѣка“ черезчуръ абстрактнымъ, не слѣдуетъ ли внести въ это понятіе конкретное содержаніе, чтобы сдѣлать воспитаніе *дѣйствительно реальной силой*, способствующей прогрессивному росту общественнаго организма.

Всѣ эти вопросы—чисто философскіе и ихъ разрѣшенію посвящены Ушинскимъ 2 тома „Антропологіи“ и его педагогическія сочиненія. „Антропологія“ или „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ это тотъ ключъ, который позволяетъ намъ ближе заглянуть въ творческіе тайники духовнаго образа К. Д. Ушинскаго. Выясненіе общечеловѣческаго образованія съ конкретнымъ содержаніемъ, на основаніи особыхъ способовъ рѣшенія этой задачи, должно составить, по мнѣнію Ушинскаго, педагогическую руководящую идею народнаго образованія, т. е. то міровоззрѣніе, которое должно предшествовать всѣмъ частнымъ реформамъ школы. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ педагогическаго изслѣдованія Ушинскій ставитъ передъ собою философскую задачу: онъ изслѣдуетъ фундаментъ школы, руководящія идеи ея. К. Д. Ушинскій ясно видитъ, какъ трудно выработать такую идею у насъ на Руси. „Какія же причины мѣшаютъ намъ до сихъ поръ

[1]) См. „Другъ человѣчества—Н. И. Пироговъ“ и „Педагогика, какъ наука передъ судомъ ея противниковъ“.

дружно, общими усиліями, дойти до сознанія основной идеи образованія?“ спрашиваетъ себя К. Д. Ушинскій. Причинъ оказывается много. Прежде всего недостатки нашего собственнаго образованія и образованія того поколѣнія, которое призвано думать объ образованіи будущихъ поколѣній. „Ясно [1]), что основная идея народнаго (въ широкомъ смыслѣ слова) образованія есть прежде всего идея глубоко философская и идея психологическая... Недостатокъ философскаго образованія, на которое до послѣдняго времени смотрѣли у насъ съ какимъ-то недовѣріемъ и враждою, будетъ еще долго камнемъ преткновенія въ нашей воспитательной дѣятельности, и долго еще мы будемъ спорить о самыхъ легкихъ вопросахъ только потому, что не желаемъ или не можемъ вызвать наружу ту основную идею, на которую каждый изъ насъ безсознательно опирается въ своемъ спорѣ“. Изъ области безсознательнаго Ушинскій хочетъ вывести педагогическую идею на путь яснаго отчетливаго знанія. Съ этой цѣлью К. Д. Ушинскій выясняетъ намъ понятія человѣка, цѣли, средства и почву педагогической дѣятельности, т. е. философски, изъ нѣдръ человѣческаго духа, выводитъ дѣло воспитанія. Какимъ образомъ была произведена эта работа, мы увидимъ изъ разсмотрѣнія педагогической системы Ушинскаго.

Вторая причина, говоритъ Ушинскій, продолжая *философски* разбирать основной педагогическій вопросъ, препятствующая выясненію въ нашемъ сознаніи идеи общечеловѣческаго образованія, заключается въ томъ, что мы безсознательно, по долговременной привычкѣ, заимствуемъ все у Западной Европы... „Рѣдко мы даемъ себѣ отчетъ, изъ какой общей идеи вытекаютъ эти разнообразныя правила, и наивно удивляемся, если, прилагая ихъ у себя, находимъ, что они другъ другу противорѣчатъ... Мы забываемъ, а чаще и не знаемъ, что воспитательныя идеи каждаго народа проникнуты національностью болѣе, чѣмъ что-либо другое, проникнуты до того, что невозможно и подумать перенести ихъ на чуждую почву“...

Третья причина неясности нашей воспитательной идеи, какъ и первыя двѣ, заключается въ особой страстности нашего времени. „Воспитаніе — такой предметъ, разсужденіе о которомъ, болѣе чѣмъ разсужденіе о другихъ предметахъ, требуетъ спокойствія, полной свободы мнѣнія и зрѣлой обдуманности. Однимъ отрицаніемъ, къ которому такъ склонно наше время, ничего здѣсь не сдѣлаешь. Ре-

[1]) „Педаг. соч. Пирогова“. 502.

бенокъ стоитъ передъ нами во всей невинности и чистотѣ своей души и требуетъ *положительнаго* ученія, требуетъ отъ насъ *положительной* мудрости, а не отрицанія того, чего дитя и не вѣдаетъ. „Чего вы хотите отъ меня?“ спрашиваетъ оно насъ: „что вы хотите изъ меня сдѣлать? что вы называете хорошимъ? Къ чему вы сами стремитесь и меня направляете? Мнѣ нѣтъ дѣла до вашихъ заблужденій; укажите мнѣ прямую дорогу, не говорите мнѣ, что вы ненавидите, а скажите мнѣ, что вы любите; не говорите мнѣ, что вы рушите, а говорите мнѣ, что вы хотите строить; не говорите мнѣ, чего вы не желаете, а скажите мнѣ, чего желаете“. На этотъ естественный запросъ нашихъ дѣтей должны отвѣтить взрослые, предварительно ясно опредѣливъ свои воспитательныя идеи, желанія, руководящія ими при осуществленіи воспитательнаго дѣла. Однимъ словомъ, взрослые должны составить себѣ опредѣленное философское міровоззрѣніе, научно обоснованное, какъ руководящее начало въ воспитательной дѣятельности. К. Д. Ушинскій помогаетъ взрослымъ въ этомъ направленіи, онъ передаетъ имъ созданное педагогическое ученіе.

Ученіе это, какъ педагогическое міровоззрѣніе научно, философски обоснованное, можетъ быть философски окрещено, какъ *гуманистическій реализмъ*, при чемъ гуманистическій идеализмъ Н. И. Пирогова является исторической подосновой его. Такимъ образомъ выходитъ, что К. Д. Ушинскій синтетически объединилъ гуманистическій идеализмъ съ гуманистическимъ реализмомъ. Возможно ли это? Не исключаетъ ли одинъ другого? А, можетъ быть, какъ взаимно противоположныя, тѣмъ не менѣе оба міровоззрѣнія могутъ быть въ извѣстныхъ отношеніяхъ совмѣщены? Вотъ тѣ общіе вопросы, которые невольно становятся передъ нами, какъ только педагогическую систему К. Д. Ушинскаго мы подвели подъ опредѣленное философское міровоззрѣніе, и на которые мы обязаны отвѣтить прежде, чѣмъ докажемъ, что педагогическое ученіе Ушинскаго, дѣйствительно, система такого, а не иного, характера. Идеализмъ и реализмъ, какъ метафизическія понятія, конечно, взаимно исключаютъ другъ друга, но этически, практически, *педагогически* ихъ возможно совмѣщать, при чемъ идеализмъ можетъ быть взятъ въ качествѣ конечной причины, а реализмъ—въ качествѣ причины дѣйствующей. Такія совмѣщенія встрѣчаются въ жизни, искусствѣ, литературѣ, а также въ различныхъ философскихъ системахъ [1]).

[1]) См. „Очерки по философіи идеализма“ *З. К. Столица.*

Ушинскій, при построеніи педагогической системы, какъ орудія для новой жизни, пробуетъ синтезировать идеализмъ съ реализмомъ. Во второмъ томѣ „Антропологіи“ К. Д. Ушинскій прямо указываетъ намъ на необходимость дуалистической точки зрѣнія въ практической дѣятельности, а, слѣдовательно, и въ воспитаніи, какъ фактѣ жизни. Правда, дуализмъ его касается признанія двухъ началъ жизни—духа и матеріи, какъ началъ свободы и необходимости, но и въ самой духовной жизни Ушинскій различаетъ разсудокъ и разумъ въ кантовскомъ смыслѣ слова, гдѣ разумъ является носителемъ высшихъ сторонъ человѣческой дѣятельности, носителемъ идеала, свободы въ метафизическомъ смыслѣ слова, въ смыслѣ конечной вершины, цѣли человѣческихъ дѣйствій. Но признаніе конечной цѣли въ качествѣ регулятивнаго принципа поведенія не заставляло еще Ушинскаго сходить съ почвы опыта, не разрывало его съ дѣйствительной реальной жизнью. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ отмѣтить совмѣщеніе идеализма и реализма въ педагогическомъ ученіи Ушинскаго. Но совмѣщеніе это не пріобрѣтаетъ характера чистаго, субстанціальнаго монизма. Скорѣе слѣдовало бы отнести философское міровоззрѣніе Ушинскаго къ системамъ такъ называемаго философскаго тожества. Воспитаніе, съ точки зрѣнія Ушинскаго, идеально-реальная вещь: идеальная—въ конечной задачѣ, въ руководящей нормѣ дѣятельности, и реальная—въ процессѣ осуществленія идеальной цѣли. Въ этомъ совмѣщеніи двѣ различныя точки зрѣнія на одну и ту же вещь—на воспитаніе и онѣ должны быть всегда неразрывно связанными въ понятіи тѣхъ, кто хочетъ развивать педагогическое дѣло.

Гуманистическій реализмъ съ идеалистической подосновой можетъ быть нами формулированъ такимъ образомъ: „будь человѣкомъ—это значитъ будь сыномъ своей родины: познай душу народа и свободно трудись на благо его“. Гуманистическій реализмъ съ идеалистической подосновой выражаетъ основное ядро педагогическаго ученія Ушинскаго, вокругъ котораго группируются всѣ вопросы воспитанія, объединяя такимъ образомъ высказанные педагогическіе принципы Ушинскаго въ стройную, логическую, педагогическую систему въ видѣ законченнаго міровоззрѣнія. Конечно, эта формулировка не открывается намъ въ „Антропологіи“ Ушинскаго въ такомъ, именно, видѣ, но *духъ* 2-хъ томной „Антропологіи“ и педагогическихъ сочиненій его сполна выдвигаетъ эту мысль, какъ формулу ядра гуманистическаго реализма съ идеалистической основой. Надо помнить, что въ предисловіи къ труду: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ (Антро-

пологія) Ушинскій не причислялъ самого себя къ той или другой философской школѣ, поэтому разрабатывалъ изучаемыя имъ душевныя явленія, не подгоняя психическіе факты подъ философскія міровоззрѣнія. „Я", говоритъ онъ: „просто беру психическія явленія, всѣмъ знакомыя, какъ результатъ *самонаблюденія* и *внутренняго опыта человѣка*, анализирую ихъ, группирую и, если гдѣ ставлю гипотезу, то нигдѣ не прикрываю ее". Но, несмотря на это заявленіе, К. Д. Ушинскій, конечно, составилъ себѣ опредѣленное міровоззрѣніе философскаго характера, которое вылилось въ педагогическомъ ученіи и педагогическомъ дѣлѣ его.

Называя педагогическое міровоззрѣніе К. Д. Ушинскаго „гуманистическимъ реализмомъ съ идеалистической подосновой", мы должны отмѣтить, что главный центръ педагогическаго мышленія лежалъ у него на разработкѣ реалистической стороны воспитанія, и въ этомъ его главное отличіе отъ идеальнаго направленія педагогическаго ученія Пирогова. Что касается идеалистической задачи, то она всегда налицо въ педагогическомъ ученіи Ушинскаго: она выдвинута имъ въ изслѣдованіи: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія", самое названіе котораго свидѣтельствуетъ о гуманистическомъ идеализмѣ автора. Кромѣ того, она проявляется въ разборѣ К. Д. Ушинскимъ педагогическихъ сочиненій Н. И. Пирогова.

В. *К. Д. Ушинскій народный педагогъ.*

Но, признавая необходимымъ общечеловѣческое воспитаніе, человѣка прежде всего, въ смыслѣ всего идеальнаго въ немъ, К. Д. Ушинскій, какъ реалистъ по своимъ основнымъ убѣжденіямъ, какъ изслѣдователь, которому хочется держаться только *факта*, конкретныхъ изслѣдованій, не останавливается на идеализмѣ Пирогова, но, воодушевившись имъ, дѣлаетъ воспитаніе человѣка реальнымъ, конкретнымъ, живымъ дѣломъ жизни.

Разберемся въ формулѣ, выдвинутой нами, какъ основное ядро педагогической системы К. Д. Ушинскаго. Въ формулированномъ нами положеніи двѣ части: въ 1-й части Ушинскій говоритъ о конечной цѣли воспитанія и выдвигаетъ эту цѣль, какъ требованіе императивнаго характера, онъ говоритъ намъ: „будь человѣкомъ"! Идеалъ совершеннѣйшаго человѣка рисуется К. Д. Ушинскому, какъ дальняя задача полнаго законченнаго воспитанія. И въ этой части Ушинскій сполна тожественъ съ содержаніемъ „Вопросовъ жизни" Н. И. Пирогова. Во второй части формулированнаго положенія К. Д. про-

являетъ себя индивидуально оригинальнымъ и глубоко реальнымъ по основному лейтъ-мотиву его міровоззрѣнія. Въ этой части формулированнаго положенія, К. Д. Ушинскій даетъ намъ объясненіе, что значитъ „будь человѣкомъ“. Это значитъ, говоритъ Ушинскій, что слѣдуетъ выяснить себѣ понятіе человѣка, т. е. вложить въ понятіе „человѣкъ“ опредѣленное *конкретное содержаніе*, а затѣмъ необходимо указать *путь* къ осуществленію *на дѣлѣ* воспитанія человѣка въ конкретной его формѣ. Такимъ образомъ, К. Д. Ушинскій разъясняетъ педагогическое наше сознаніе, съ одной стороны, выясненіемъ понятія человѣка и, кромѣ того, даетъ еще намъ реальныя орудія для осуществленія этого понятія на дѣлѣ — въ искусствѣ воспитанія, — съ другой; иначе говоря, научно обосновываетъ теоретическіе принципы воспитанія и въ вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняетъ практическую воспитательную дѣятельность, указывая на наличность опредѣленнаго *педагогическаго метода* въ осуществленіи идеальныхъ задачъ воспитанія. Въ самомъ дѣлѣ, К. Д. Ушинскій вслѣдъ за первымъ положеніемъ сейчасъ же высказываетъ второе, поясняя первое такъ: „будь человѣкомъ“ значитъ будь сыномъ своей родины, глубоко почувствуй свою связь съ родной почвой, сыновне относись къ ней, возврати сторицею ей то, что получилъ отъ нея. Но чтобы установить истинныя отношенія къ родинѣ, чтобы точно знать требованія ея, чтобы не впасть въ одностороннія увлеченія, искажающія наши отношенія къ родинѣ, въ родѣ шовинистическихъ и тому подобныхъ, К. Д. Ушинскій требуетъ выполненія двухъ условій: необходимо познать душу народа въ коренныхъ особенностяхъ народной психологіи, кромѣ того, необходимо познакомиться съ историческимъ развитіемъ своего народа. Только при соблюденіи этихъ условій, мы будемъ гарантированы отъ ошибокъ и правильно поймемъ задачу *національнаго воспитанія*. Такимъ образомъ, во второй части формулированнаго положенія, К. Д. Ушинскій, дѣйствительно, выступаетъ на почву факта, на сторону конкретнаго, реальнаго, а не отвлеченнаго воспитанія, рекомендуя намъ въ воспитаніи подрастающаго поколѣнія связывать себя и каждаго воспитывающаго съ народомъ, слиться съ душой народа, предварительно познавъ ее. Въ той грани воспитательнаго ядра своей системы, К. Д. Ушинскій является предъ нами, какъ представитель національнаго воспитанія, какъ *народный педагогъ*, въ широкомъ смыслѣ слова, прежде всего. Раскрывая требованія, предъявляемыя Ушинскимъ къ народному образованію и воспитанію, мы будемъ употреблять терминъ „народное воспитаніе“ въ широкомъ значеніи слова, попутно

иллюстрируя, гдѣ это понадобиться, народность педагогическихъ воззрѣній Ушинскаго, то на узко народномъ, т. е. на низшемъ, образованіи, то на среднемъ, то на высшемъ, какъ это окажется удобнѣй для цѣлей изслѣдованія. Слова „педагогъ“ и „педагогика“ мы будемъ употреблять также въ широкомъ значеніи слова, объединяя воспитаніе и обученіе въ одно цѣлое, въ такъ называемомъ воспитывающемъ обученіи, при чемъ преподаваніе мы разсматриваемъ, какъ частный случай воспитанія, придавая первенствующее значеніе воспитанію, а также придавая болѣе широкое значеніе самому слову „воспитаніе“.

Въ національной окраскѣ педагогической системы Ушинскаго проявляется реалистическое настроеніе его. Дѣйствительно, что же въ сущности значитъ требованіе національнаго воспитанія, какъ не требованіе познать фактическую, опытную, иначе реальную почву своего народа! Самое требованіе „воспитать человѣка, какъ сына родины“ К. Д. Ушинскій доказываетъ цѣлымъ рядомъ соображеній философско-реалистическаго характера въ своихъ педагогическихъ статьяхъ подъ общимъ заглавіемъ „О народности въ общественномъ воспитаніи“ и „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи“.

Въ рядѣ педагогическихъ статей „О народности въ общественномъ воспитаніи“ К. Д. Ушинскій принципіально выдвигаетъ необходимость народнаго или національнаго воспитанія, при чемъ указываетъ на западныя государства, какъ на всюду національныя по воспитанію. Оказывается, каждый народъ создаетъ свою систему воспитанія, въ духѣ своего народа: въ Англіи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, во Франціи и даже въ Германіи, при универсальныхъ стремленіяхъ нѣмцевъ, вездѣ воспитаніе, въ противоположность универсальности науки, національно, т. е. свое особенное, сообразное характеру народа и пережитой имъ исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ нѣмцевъ: мы замѣчаемъ у нихъ наклонность къ глубокомыслію и учености, — лицевой сторонѣ ихъ народности, и къ педантизму и резонерству — оборотной сторонѣ, вытекающей изъ основной ихъ черты: считать науку и ученость окончательной цѣлью воспитанія. Что касается Англіи, то тамъ наука не цѣль, но одно изъ средствъ для развитія характера, привычекъ, образа мыслей, манеръ истиннаго джентльмена — идеала, къ осуществленію котораго направлено все англійское воспитаніе. „Ихъ дѣло создавать людей, а не писать книги“. Въ англійскомъ воспитаніи не столько наставленія, даже не въ такой мѣрѣ примѣръ, но больше всего значитъ *руководство* (training) [1]). „Мы не знаемъ ни на одномъ

[1]) „О народности общ. воспитанія“, стр. 42.

языкѣ слова, которымъ бы можно было передать англійское: training", говоритъ Ушинскій; „имъ выражается тотъ невидимый духъ учебнаго заведенія, или семейства, который какою-то желѣзною волею подчиняетъ себѣ всякій личный характеръ. Мы думаемъ, продолжаетъ Ушинскій, что не только это слово, но и самое понятіе, которое имъ обозначается, чисто англійское. Расчитанная порядочность нѣмецкой школы, казарменная дисциплина французской коллегіи совершенно не похожи на тотъ характеръ старыхъ англійскихъ школъ, который живетъ кажется, какъ домовой, въ стѣнахъ заведенія и равно подчиняетъ себѣ учениковъ, наставниковъ и даже прислугу".

Что касается Сѣверо-Американскихъ школъ, тамъ развитіе характера составляетъ также одну изъ главнѣйшихъ чертъ американскаго воспитанія, хотя печать *новизны*, поспѣшное движеніе все впередъ, печать какой-то *временности*, въ отличіе отъ *англійской прочности*, лежитъ на характерѣ американскаго воспитанія. Демократизмъ американцевъ, конечно, отличенъ отъ аристократизма англичанъ. „Посреди развитой американской жизни, гдѣ все такъ хорошо, такъ *полезно* устроено, русскому человѣку будетъ скучно и неуютно посреди всеобщаго комфорта... Тамъ, какъ и въ Англіи, и маленькія дѣти сдержанны, замкнуты, преслѣдуютъ только пользу. Эти холодные джентльмены, такъ умѣющіе держать себя, не по нутру славянской, размашистой природѣ!" прибавляетъ К. Д. Ушинскій.

Безпрестанная смѣна правительствъ и системъ управленія не осталась безъ вліянія, говоритъ Ушинскій, и на общественномъ воспитаніи Франціи. Во французскихъ учебныхъ заведеніяхъ семейнаго начала нѣтъ: „это какія-то казармы, въ которыхъ новыя поколѣнія рано привыкаютъ къ тому легкому эгоизму, которымъ отличается французъ, рѣдко бывающій хорошимъ семьяниномъ... Здѣсь болѣе служатъ и спекулируютъ, чѣмъ занимаются воспитаніемъ... Внѣшній блескъ, ярко выразившійся во французской фразѣ, тщеславіе и матеріальная польза (совершенныя техническія учебныя заведенія „Парижская Политехническая школа") — характеристическія черты французскаго общественнаго воспитанія".

Указавъ на національность воспитанія во всѣхъ странахъ, какъ на условіе прогрессивнаго развитія воспитательнаго дѣла, К. Д. Ушинскій переходитъ къ философской проблемѣ: гдѣ же коренится сущность національности въ воспитаніи? Этотъ вопросъ Ушинскій задаетъ себѣ для того, чтобы, отыскавъ корень національности, дать своимъ соотечественникамъ въ руки средство обратить и русскую школу въ

національную школу, сдѣлавъ ее черезъ это реальной силой жизни. Методъ самонаблюденія и объективнаго наблюденія открыли Ушинскому, что различіе основаній и цѣли воспитанія у каждаго народа опредѣляется ихъ народнымъ характеромъ. „Заимствовать орудія, средства, изобрѣтенія можно и должно [1]), но нельзя заимствовать чужого характера и той системы, въ которой выражается характеръ. Съ другой стороны, чѣмъ больше характера въ человѣкѣ, тѣмъ безопаснѣе для него всякое общество; и чѣмъ больше характера въ общественномъ образованіи народа, тѣмъ свободнѣе можетъ оно заимствовать все, что ему угодно, у другихъ народовъ". Итакъ, философское направленіе нѣмцевъ, упругость характера англичанъ, стремительность американцевъ, французская живость — все это лежитъ въ корняхъ народнаго характера. Вотъ почему система воспитанія, чтобы сдѣлаться реальной силой въ жизни, должна быть, по ученію К. Д. Ушинскаго, создана самимъ народомъ, сообразно познанному характеру его. Но французъ, нѣмецъ, англичанинъ, американецъ, русскій, и т. д. прежде всего люди, а потомъ уже представители своей націи; слѣдовательно, надо узнать природу человѣка прежде всего. Общія свойства природы человѣка съ физической и духовной сторонъ К. Д. Ушинскій изслѣдуетъ въ своей Антропологіи; мало этого, онъ изслѣдуетъ, кромѣ того, и общія свойства, основанія для образованія вообще человѣческаго характера, независимо отъ различій національностей, въ педагогической своей статьѣ „О народности въ общественномъ воспитаніи". Эти общія изслѣдованія приводятъ Ушинскаго къ заключенію, что характеръ каждаго человѣка слагается изъ двухъ совокупно дѣйствующихъ элементовъ: природнаго, наслѣдственнаго и вырабатывающагося въ жизни подъ вліяніемъ воспитанія, обстоятельствъ среды, т. е. историческимъ путемъ. „Какъ ни разнообразны человѣческіе типы у образованныхъ народовъ, вслѣдствіе безконечнаго разнообразія типовъ родовыхъ, семейныхъ и личныхъ, природа всегда успѣваетъ въ безчисленномъ множествѣ характеристическихъ чертъ въ наружности человѣка выдвинуть на первый планъ черту самую коренную, такъ называемую черту народности. Эта черта по большей части бываетъ такъ ясна, что небольшого навыка достаточно, чтобы угадывать по первому взгляду француза, англичанина, итальянца, нѣмца или русскаго, хотя у всѣхъ этихъ народовъ царствуетъ безконечное разнообразіе физіономій".

Воспитаніе, по мнѣнію Ушинскаго, должно корениться на изученіи

[1]) Ibidem, стр. 94.

народнаго характера, на изученіи природныхъ силъ его. Природныя силы народа слѣдуетъ беречь, такъ какъ онѣ облегчаютъ выполненіе дѣйствій. Но сила эта можетъ разрушать и творить, смотря по направленію, которое ей дано. Цѣлесообразное направленіе этой силѣ даетъ правильно организованное народное воспитаніе. Общая для всѣхъ прирожденная наклонность, на которую всегда можно разсчитывать, какъ на вспомогательное средство—это любовь къ отечеству. Она заложена въ характерѣ каждаго народа. Какъ нѣтъ человѣка безъ самолюбія, такъ нѣтъ человѣка безъ любви къ отечеству, и эта любовь даетъ воспитанію вѣрный ключъ къ сердцу человѣка и могущественную опору для борьбы съ его дурными, природными, личными, семейными и родовыми наклонностями [1])... Для К. Д. Ушинскаго, настроеннаго реалистически, общественное воспитаніе съ опредѣленно выраженнымъ идеаломъ, но не вышедшимъ изъ души всего народа, „само еще не можетъ рѣшать вопросовъ жизни, не можетъ вести за собой исторію, но слѣдуетъ за нею. Не педагогика и не педагоги, но самъ народъ и его великіе люди прокладываютъ дорогу въ будущее: воспитаніе только идетъ по этой дорогѣ и, дѣйствуя заодно съ другими общественными силами, помогаетъ идти по ней отдѣльнымъ личностямъ и новымъ поколѣніямъ“. Воспитатель долженъ присмотрѣться къ народному характеру, къ сокровенной сущности его, изучить этотъ характеръ, какъ бы это трудно ни было, а затѣмъ на изученной основѣ выдвинуть цѣлесообразное, дѣйствительно плодотворное, общественное, народное воспитаніе. Тогда только всѣ примутъ воспитаніе, какъ близкое сердцу дѣло. Общественное воспитаніе тогда окажется дѣйствительнымъ, общественнымъ дѣломъ для всѣхъ, и семейнымъ для каждаго. Система общественнаго воспитанія, вышедшая не изъ общественнаго убѣжденія, какъ бы хитро она ни была обдумана, окажется безсильною и не будетъ дѣйствовать ни на личный характеръ человѣка, ни на характеръ общества. Она можетъ, говоритъ Ушинскій, приготовить техниковъ, но никогда не будетъ воспитывать полезныхъ и дѣятельныхъ членовъ общества, и если она будетъ появляться, то независимо отъ воспитанія“.

Отъ общихъ соображеній, что сущность народности лежитъ въ характерѣ народа, въ природныхъ особенностяхъ его, частью данныхъ, частью выработанныхъ и привитыхъ народу пережитыми историческими условіями, Ушинскій переходитъ къ выясненію русскаго

[1]) „О народности въ общественномъ воспитаніи“, стр. 109.

народнаго характера. Для этой цѣли Ушинскій разсматриваетъ русское семейное воспитаніе, отыскивая тамъ наиболѣе рѣзкія черты народности; оно всѣми своими сторонами—хорошими и дурными, и болѣе дурными, чѣмъ хорошими, думаетъ К. Д. Ушинскій, — отразилось и въ нашемъ школьномъ воспитаніи, „отразилось настолько, насколько могло отразиться въ неудачныхъ снимкахъ съ чуждыхъ намъ образцовъ".

Для выясненія чертъ народности русскаго характера, въ очеркѣ „О нравственномъ элементѣ въ общественномъ воспитаніи" К. Д. Ушинскій отыскиваетъ эти черты черезъ психологію и исторію русскаго народа. Многое намѣчено въ выясненіи народныхъ чертъ нашего народа К. Д. Ушинскимъ, но не все, можетъ быть, детально разработано.

Въ результатѣ психологическаго и историческаго изученія русскаго общественнаго и главнымъ образомъ семейнаго воспитанія, Ушинскій открываетъ намъ насъ самихъ. К. Д. Ушинскій намѣчаетъ слѣдующія черты народности въ русскомъ характерѣ: „глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чуждые съ одной стороны юридической строгости римскаго права, болѣе или менѣе легшаго въ основу быта западныхъ народовъ, а съ другой—меркантильной жестокости и разсчетливости; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины человѣческаго достоинства; необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ; необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспріимчивость ко всему чуждому, льется ли оно съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто безсознательная, наконецъ, древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа: вотъ что проявляется въ русскомъ воспитаніи, какъ черта его народности. Если русское воспитаніе хочетъ сдѣлаться дѣйствительнымъ выраженіемъ народной жизни, а не насильственнымъ, чуждымъ народности подражаніемъ: не растеніемъ безъ корня, которое, безпрестанно увядая, безпрестанно должно искусственно подновляться и вновь пересаживаться съ чуждой почвы, пока наша вновь его испортитъ,—тогда воспитаніе должно съ этими чертами считаться" [1]). Ука-

[1]) Ibidem, стр. 274.

зывая на элементы народности въ русскомъ воспитаніи, К. Д. Ушинскій изслѣдуетъ не умъ, а чувства и волю нашу, т. е. нашъ нравственный обликъ, въ виду того, что нигдѣ человѣкъ не сказывается такъ ярко въ корняхъ своихъ, какъ, именно, въ волевой, чувствующей сторонѣ своей. Здѣсь кроются убѣжденія человѣка, здѣсь же цементъ общественности. Изъ этихъ корней и образуется народный характеръ. Въ выясненіи народности русскихъ, Ушинскій имѣлъ въ виду *по преимуществу* дворянское сословіе, такъ какъ на нравственное достоинство дворянства *преимущественно* опирается наша государственная служба, наша литература и наше общественное образованіе. Не замалчивая недостатковъ русскаго воспитанія, Ушинскій говоритъ: „въ этомъ воспитаніи должны быть и существенныя достоинства, если оно могло породить столько достойныхъ уваженія личностей, которымъ русскій народъ обязанъ лучшими проявленіями своей жизни“.

Ушинскій отлично сознаетъ насколько труденъ и споренъ вопросъ изслѣдованія народности, именно, русскаго воспитанія, труденъ потому уже, что въ русскомъ народѣ очень слабо развито національное самосознаніе. Вотъ почему въ той же статьѣ, далѣе, онъ прибавляетъ: „Знаемъ, что для многихъ всякая особенность въ характерѣ русскаго воспитанія есть дѣло совершенно безполезное, хотя они признаютъ значеніе такихъ особенностей въ воспитаніи другихъ народовъ. Знаемъ также, что для многихъ наша народная религія, какъ необходимый элементъ воспитанія, кажется требованіемъ излишнимъ и стѣснительнымъ; но тѣмъ не менѣе, считая святою обязанностью каждаго въ такомъ великомъ дѣлѣ, каково народное воспитаніе, выражать свои глубочайшія убѣжденія, мы скажемъ, что уже по одной народности этой религіи не только всякій воспитатель юныхъ поколѣній, но даже всякій, кто не хочетъ показать, что онъ не любитъ и не уважаетъ своего народа, долженъ, если уже не съ любовью, то, по крайней мѣрѣ, съ глубочайшимъ уваженіемъ прикасаться къ тѣмъ его убѣжденіямъ, которыя для него такъ святы и дороги и съ которыми неразрывно срослось все, что есть лучшаго въ его природѣ. Если, воспитывая дитя, говоритъ далѣе Ушинскій, мы должны съ уваженіемъ приближаться къ душѣ его, то во сколько разъ должно быть больше это уваженіе къ душѣ народа, когда мы принимаемся за дѣло его воспитанія“. Уваженіе къ народу должно отмѣтить ясно и правдиво то, что живетъ въ немъ. „Хотя бы взять глубоко коренящійся въ сердцѣ русскаго народа“, говоритъ Ушинскій, „правда, пробуждающійся только послѣ сильнаго толчка, патріотизмъ, въ которомъ, пожалуй,

проглядываетъ нерѣдко и тотъ ложный оттѣнокъ, который наша литература назвала *кваснымъ*. Не забудемъ, однако, замѣчаетъ далѣе Ушинскій, что, если отъ нашего патріотизма пахнетъ иногда русскимъ квасомъ, то и англійскій не лишенъ также запаха ростбифа, пуддинга, джина, а нѣмецкій сильно отдаетъ пивомъ и табакомъ. У всякаго народа есть свои патріотическія предубѣжденія, — заканчиваетъ Ушинскій,—но замѣчательно, что ни одна литература не вооружалась такъ противъ этихъ невинныхъ предубѣжденій, какъ наша, объявляющая претензію на безконечное уваженіе къ народу“ [1]).

„Неужели намъ нуженъ новый Шлецеръ“, — восклицаетъ Ушинскій—который указалъ бы намъ, какимъ неоцѣненнымъ сокровищемъ обладаемъ мы и въ нашей православной, христіанской лѣтописи, съ ея безхитростною истиною и ея величественными, историческими формами, столь свойственными великой народности, волнуемой неисчерпаемо-глубокимъ религіознымъ чувствомъ, ищущимъ свободы, которую можетъ дать только глубокая, истинно-художественная форма, проникнутая содержаніемъ“! Величавая простота, недосягаемая глубина народной религіи такъ же, какъ естественная любовь къ родинѣ,—главные источники умственнаго и нравственнаго развитія русскаго народа. „Родимою грудью является для насъ наша народность и наша народная религія“, добавляетъ Ушинскій, „соединяющія каждаго изъ насъ съ каждымъ русскимъ, хотя бы онъ скрывался далеко отъ глазъ нашихъ въ самой темной массѣ народа, или въ самомъ отдаленномъ уголкѣ нашей неизмѣримой отчизны, — соединяющія насъ съ давно отжившими и грядущими поколѣніями, словомъ, со всѣмъ тѣмъ, что одно даетъ намъ прочное, историческое, а не эфемерное существованіе“. Что касается констатируемыхъ Ушинскимъ, какъ національныхъ, чертъ: патріархальнаго быта, главнымъ образомъ, у простого народа, религіозности его, переходящей часто въ суевѣріе и т. д.— все это, по мнѣнію Ушинскаго, должно быть выведено посредствомъ воспитанія въ болѣе обширную и свободную сферу гражданскаго общества, государства и человѣчества. Въ переустройствѣ этомъ могутъ, говоритъ Ушинскій, одинаково участвовать какъ свѣтскія, такъ и духовныя лица, а въ дѣлѣ народнаго образованія, въ силу религіозности русскаго народа, скорѣе даже должны были бы быть педагогами священнослужители, какъ наставники народа, а народная школа должна быть предверіемъ храма. Источникомъ, изъ котораго слѣдуетъ

[1]) Ibidem, стр. 263.

черпать черты русской народности, должна быть русская семья, какъ наиболѣе сохранившая, по мнѣнію Ушинскаго, національный характеръ.

Самъ счастливый въ семейной домашней обстановкѣ, Ушинскій до конца жизни идеализировалъ русскую семью, поэтому въ ней, по преимуществу, искалъ нравственные элементы нашего народа. „Въ сферѣ чисто славянскаго, семейнаго чувства выростало сердце русскаго человѣка“, добавляетъ Ушинскій, „и этому-то чувству обязано оно, быть можетъ, своими лучшими качествами: теплотою, добродушіемъ, желаніемъ какой-то задушевности въ отношеніяхъ, тѣмъ неуловимопрекраснымъ оттѣнкомъ, который примиряетъ насъ иногда съ самымъ закоренѣлымъ взяточникомъ, когда мы посмотримъ на него въ его семейномъ кругу“. Разобравъ, чисто психологически, душевный строй русскаго народа, найденные элементы народнаго характера Ушинскій подтверждаетъ ссылками на пережитую исторію нашего народа. Въ найденныхъ элементахъ нашей народности К. Д. Ушинскій отмѣчаетъ извѣстную раздвоенность, расколотость, которая особенно сильно проявляется въ нашихъ чувствахъ. „Обряды нашей православной церкви имѣютъ великое воспитательное вліяніе уже потому, что они сами собою, безъ посредствующихъ объясненій“, говоритъ Ушинскій, „обнимаютъ дѣтскую душу святымъ религіознымъ чувствомъ, настраиваютъ ее на возвышенный, торжественный ладъ“. „Но, какъ часто случается“, продолжаетъ Ушинскій, „что практическая жизнь и ея наставленія ставятъ въ душѣ русскаго человѣка какую-то непреодолимую стѣну между исполненіемъ этихъ обрядовъ и основными, глубочайшими принципами его практической дѣятельности“. Раздвоенность между теоріей и практикой—наличная черта въ русскомъ характерѣ. Но, какъ педагогъ, обосновывающій все опытнымъ путемъ, К. Д. Ушинскій предлагаетъ правильнымъ воспитаніемъ, гдѣ религія, наука и жизнь составляли бы одно цѣлое, уничтожить эту раздвоенность, такъ же какъ ложную религіозность и затхлую патріархальность, но не иначе, какъ прислушиваясь, считаясь и уважая свою народность въ типичныхъ, лучшихъ чертахъ ея.

„Напрасно мы хотимъ выдумать воспитаніе: воспитаніе существуетъ въ русскомъ народѣ столько же вѣковъ“, говоритъ Ушинскій, „сколько существуетъ самъ народъ,—съ нимъ родилось, съ нимъ выросло, отразило въ себѣ всю его исторію, всѣ его лучшія и худшія качества. Это почва, изъ которой выростали новыя поколѣнія Россіи, смѣняя одно другое. Ее можно удобрить, улучшить, приноровившись къ ней же

самой, къ ея требованіямъ, силамъ, недостаткамъ, но пересоздать ее невозможно. И слава Богу"!—восклицаетъ К. Д. Ушинскій.

С. *Требованія, предъявляемыя къ народному воспитанію.*

1. Учительскія семинаріи.

Такимъ образомъ, чтобы сдѣлать воспитаніе дѣйствительно живой силой въ жизни народа, надо сдѣлать его народнымъ, вывести изъ нѣдръ народной жизни, предварительно изучивъ народный характеръ, а для этого необходимо создать возможно больше истинно *народныхъ* школъ, какъ разсадницъ народнаго воспитанія и образованія. Народная школа, внося въ наши села и деревни здравое первоначальное воспитаніе, должна открыть зрѣніе и слухъ, душу и сердце народа урокамъ великихъ наставниковъ человѣчества: природы, жизни, науки и христіанской религіи. Но народная школа тогда только будетъ развиваться нормальнымъ образомъ и будетъ истинно народной, когда будутъ подготовлены къ ней хорошіе, дѣйствительно народные учителя. Надо приготовить человѣка,—говорилъ уже Н. И. Пироговъ. Надо приготовить человѣка—*учителя* русскаго народа, прибавляетъ К. Д. Ушинскій, развивая мысль Н. И. Пирогова. Только при этомъ условіи мы будемъ имѣть людей—вѣрныхъ сыновъ русской земли! К. Д. Ушинскій показываетъ, какъ можно практически осуществить требованіе, выставляемое во второй части формулированнаго основного ядра его системы. Созданіе учительскихъ семинарій, съ народнымъ характеромъ ихъ, дастъ людей—учителей народа, которые, путемъ разумнаго воспитанія, приготовятъ вѣрныхъ сыновъ земли, повысятъ общее, недостающее намъ всѣмъ, національное самосознаніе, т. е., другими словами, подымутъ народъ культурно, обратятъ его въ крупную соціальную единицу, въ ярко проявленную личность. Желая обратить воспитаніе въ дѣйствительно реальную силу жизни, обратить воспитаніе человѣка въ воспитаніе сына народа, при помощи созданія учительскихъ семинарій, какъ разсадниковъ народныхъ учителей, К. Д. Ушинскій, тѣмъ не менѣе и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, предлагаемую имъ школьную реформу обосновывалъ теоретически, принципіально, т. е. находилъ философское оправданіе для необходимости введенія именно этой, а не другой реформы школьной жизни. Также поступилъ онъ и въ вопросѣ новаго созданія такъ называемыхъ учительскихъ семинарій, придавая имъ огромное значеніе въ смыслѣ переустройства школьнаго неустройства, въ смыслѣ необходимаго фундамента для созданія истинно

народной школы. Каждый воспитатель, а онъ же и учитель народа—то и другое неотдѣлимо для К. Д. Ушинскаго—долженъ быть, по его мнѣнію, непремѣнно педагогически просвѣщенъ. „Преступники тѣ, кто берется за дѣло воспитанія безъ подготовки къ нему", говоритъ намъ Ушинскій. Педагогическая подготовка необходима потому, что прежде всего въ школахъ надо развивать народный характеръ, т. е. воспитывать. Недостатокъ педагогическаго образованія у насъ въ университетахъ приводитъ часто къ печальнымъ послѣдствіямъ въ школьной жизни. Учителя, прошедшіе черезъ университетъ, безъ педагогической подготовки, пріучаются раздѣлять воспитаніе и образованіе. Вотъ что говоритъ К. Д. Ушинскій по этому вопросу [1]): „...вредное вліяніе имѣетъ у насъ отдѣленіе воспитательной дѣятельности отъ учебной, которое у насъ почти вездѣ признается за правило и которое, наоборотъ, въ англійскихъ учебныхъ заведеніяхъ является рѣдкимъ исключеніемъ. У насъ воспитатель и учитель въ одномъ и томъ же классѣ всегда два лица не только различныхъ, но и противоборствующихъ. Это ведетъ къ тому, что ни воспитатель, ни учитель не имѣютъ никакого воспитательнаго вліянія. Учитель является въ классы на урокъ и, уходя съ урока, забываетъ о воспитанникахъ; воспитатель смѣняетъ учителя со своимъ грознымъ „тихо, смирно" и т. д. Гдѣ же здѣсь воспитательное вліяніе ученія и образовательное вліяніе воспитанія? спрашиваетъ Ушинскій. Далѣе онъ продолжаетъ такъ: „Вслѣдствіе такого раздѣленія въ воспитатели и воспитательницы избираются часто лица, не только чуждыя наукѣ, но даже нерѣдко находящіяся съ нею во враждебныхъ отношеніяхъ. Для учителей нужно знаніе и болѣе ничего; для воспитателей—благонравіе, дающее имъ возможность подремать при исправленіи своей обязанности". „Удивительно ли", заканчиваетъ Ушинскій свою мысль, „что при такомъ распорядкѣ умственное и нравственное воспитаніе дѣтей идутъ въ разладъ и оба не имѣютъ силы"? Указывая на особое устройство элементарныхъ школъ при учительскихъ семинаріяхъ для цѣлей болѣе тѣснаго сплоченія въ головахъ будущихъ воспитателей воспитанія и обученія, Ушинскій между прочимъ требуетъ соединенія нѣсколькихъ предметовъ въ одномъ преподавателѣ, какъ необходимомъ условіи воспитательнаго вліянія науки на дитя, для котораго наука и учитель еще не раздѣляются. „У насъ же дѣти въ школахъ и закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ растутъ, маршируютъ по классамъ, учатъ уроки,

[1]) Ibidem, стр. 303.

но не воспитываются. Воспитываются же они въ тѣхъ скрытыхъ уголкахъ, куда не проникаетъ глазъ воспитателя". Не надо забывать, что дитя воспитывается, развертывается умственно и нравственно только подъ прямымъ вліяніемъ человѣческой личности и никакими формами, никакой дисциплиной, никакими уставами и расписаніями времени занятій невозможно искусственно замѣнить вліяніе человѣческой личности. „Это плодотворный лучъ солнца для молодой души, котораго ничѣмъ замѣнить невозможно", говоритъ Ушинскій.

Въ виду воспитывающаго вліянія личности преподавателя такъ настоятельно необходимы учительскія семинаріи съ правильно организованной педагогической подготовкой. Для практической педагогической подготовки каждая учительская семинарія должна непремѣнно имѣть практическую школу при себѣ. Подготавливая народныхъ учителей, учительская семинарія должна себѣ поставить слѣдующія цѣли: познанія, даваемыя ею, должны отличаться энциклопедичностью и въ то же время оконченностью, опредѣленностью и ясностью, педагоги должны вліять на учениковъ не однимъ ученіемъ, но и всѣмъ своимъ характеромъ, примѣромъ, поэтому учительскимъ семинаріямъ лучше быть закрытыми учебными заведеніями (интернатами). Только такого рода учебныя заведенія вырабатываютъ опредѣленный духъ заведенія, который, если въ первоначальной закваскѣ былъ спасителенъ, обезпечиваетъ собою весь успѣхъ заведенія. Учениковъ надо принимать по строгому выбору, дабы случайными пріемами не испортить дѣла всего учрежденія. Старшихъ учениковъ отъ младшихъ надо отдѣлять, предоставляя первымъ бо́льшую свободу для выработки привычки самостоятельно дѣйствовать.

Жизнь въ этихъ семинаріяхъ должна быть простая и строгая. Строить семинаріи слѣдуетъ не въ большихъ городахъ, но неподалеку отъ центровъ образованія. Хорошо, говоритъ Ушинскій, строить учительскія семинаріи при сиротскихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ какъ въ числѣ различныхъ назначеній, избираемыхъ для сиротъ, воспитываемыхъ на счетъ правительства, назначеніе педагогическое должно занимать первое мѣсто.

Учительскія семинаріи должны подготовить людей, сознательно, обдуманно дѣйствующихъ на пользу подрастающаго поколѣнія. Будущіе педагоги должны пріучиться вносить больше семейственности во внутреннюю жизнь школы: воспитатели должны стать въ болѣе близкія, интимныя, семейныя отношенія къ дѣтямъ. Педагогъ всегда можетъ, по мнѣнію Ушинскаго, принять на себя родительскія функціи, роди-

тельское попеченіе о дѣтяхъ, а въ сиротскихъ заведеніяхъ это необходимо. Во взглядѣ на отношеніе педагога къ дѣтямъ Ушинскій расходится съ Н. И. Пироговымъ [1]). Пироговъ думалъ, что невозможно и безсмысленно требовать, чтобы педагоги относились, какъ родители, къ ввѣряемымъ ихъ попеченію чужимъ дѣтямъ: педагогъ долженъ и можетъ быть только наставникомъ дѣтей въ школѣ. Большаго невозможно и требовать отъ него.

Насколько высоко ставилъ Ушинскій для всѣхъ учителей педагогическую подготовку видно еще изъ того, что, говоря подробно объ устройствѣ учительскихъ семинарій, на основаніи подробнаго изученія образцовой постановки ихъ заграницей, К. Д. требуетъ, чтобы директоръ семинаріи (онъ же и директоръ сиротскаго заведенія), „кромѣ исполненія своихъ обязанностей читалъ безплатно не менѣе 3-хъ лекцій педагогики въ недѣлю и давалъ еженедѣльно два образцовыхъ урока (по одному изъ главныхъ предметовъ) въ приготовительной учительской школѣ и два—въ школѣ элементарной". Это сблизитъ директора съ воспитателями и воспитанниками, поставитъ его, какъ примѣръ для всѣхъ, и окажетъ огромную услугу дѣйствительному, а не фиктивному реформированію русской жизни. Кромѣ того, въ заботахъ своихъ подготовить реформу жизни на дѣлѣ, фактически, путемъ реформированія школы, Ушинскій требуетъ, чтобы въ учительскихъ семинаріяхъ всѣми способами развивали въ воспитанникахъ, помимо педагогической подготовки, *самодѣятельность*; между прочимъ, предоставляли бы имъ самостоятельно распоряжаться денежными средствами; классные уроки должны играть служебную роль, какъ провѣрка самостоятельныхъ занятій учениковъ и руководство для нихъ. Эти самостоятельныя занятія не исключаютъ слушанія нѣкоторыхъ курсовъ, напримѣръ, курса педагогики и минимальнаго количества лекцій по другимъ предметамъ. Для тѣхъ же, кто готовится быть преподавателями педагогики, необходимо прослушать еще курсъ психологіи и физіологіи. При устройствѣ образцовыхъ учительскихъ семинарій въ Россіи полезно, говоритъ Ушинскій, кое-что заимствовать изъ заграничныхъ учительскихъ семинарій, посылать заграницу отъ времени до времени лучшихъ учениковъ сиротскаго заведенія, подготовляя этимъ путемъ изъ нихъ будущихъ работниковъ въ нашихъ семинаріяхъ. Въ подтвержденіе того, насколько могущественны въ реформированіи жизни правильно организованныя учительскія семинаріи и насколько онѣ содѣйствуютъ

[1]) См. „Другъ человѣчества Н. И. Пироговъ". 1910 г. С.-Пб.

развитію народнаго сознанія, благодаря работѣ въ народной школѣ подготовленныхъ учителей—воспитателей народа, К. Д. Ушинскій въ своихъ письмахъ изъ Швейцаріи говоритъ намъ, что тамъ дѣйствительный школьный переворотъ произвели два могущественныхъ средства: 1) устройство учительскихъ семинарій съ народнымъ характеромъ ихъ и 2) передѣлка учебниковъ. Устройство первыхъ необходимо для подготовленія арміи народныхъ учителей. При этомъ учительскія семинаріи должны быть народными по духу, т. е. весь складъ ученія и воспитанія долженъ развивать въ будущихъ учителяхъ народный характеръ, во главѣ же семинаріи должны быть личности съ высоко развитымъ нравственнымъ авторитетомъ. Заграничныя учительскія семинаріи давно сумѣли выразить свою народность и исторія ихъ весьма поучительна. Взять хотя бы швейцарскія учительскія семинаріи. Всѣ онѣ различны, но всѣ народны, въ духѣ своего кантона: одна дышитъ поэзіей, другая—строгой логикой и методой, третья—сельской, здоровой семейной жизнью, четвертая—наукой, утилитарными стремленіями и т. д. Создавшись свободно изъ народа, учительскія семинаріи бережно сохраняютъ то цѣнное, что онѣ получили въ наслѣдіе отъ него и ставятъ во главѣ семинаріи людей съ характеромъ кантона [1]). „Нѣтъ сомнѣнія“, прибавляетъ Ушинскій, „что эти люди не поддѣлываются подъ характеръ кантона, да и это невозможно. Кантонъ самъ искалъ себѣ такого человѣка, который бы выражалъ его характеръ, и притомъ въ благороднѣйшей, развитѣйшей его формѣ, и который, будучи поставленъ во главѣ воспитанія, развивалъ бы тотъ же характеръ въ будущихъ наставникахъ новыхъ поколѣній. Конечно, это сдѣлалось не вполнѣ сознательно; но дѣло народнаго воспитанія, отдавшись свободно народному же инстинкту, вызвало на свѣтъ эти характерныя семинаріи и поставило во главѣ ихъ эти характерныя личности. Боже мой! думалъ я про себя—продолжаетъ Ушинскій въ письмахъ изъ Швейцаріи—вспомнивъ многія наши полуиностранныя учебныя заведенія: когда же мы увидимъ такія же характерныя, воспитательныя заведенія и во главѣ ихъ такія же типическія, русскія личности въ высоко-развитой, облагороженной формѣ, когда подобныя личности будутъ развивать въ воспитателяхъ благороднѣйшія черты истинно русскаго характера, а воспитатели будутъ вызывать этотъ характеръ въ молодомъ поколѣніи русскаго народа!“

Что касается учебниковъ, то подготовленіе доступнаго, понятнаго

[1]) „Письма изъ Швейцаріи“, стр. 480, 481.

и раціональнаго учебника для нашихъ народныхъ школъ крайне необходимо. Необходимы эти учебники также и для первоначальнаго обученія въ русской семьѣ, гдѣ мать является по преимуществу не только воспитательницей, но и первой учительницей своихъ дѣтей.

2. Родной языкъ.

Руководство къ первоначальному обученію непремѣнно должно пробуждать, привязывать его ближе къ родинѣ, создавать вѣрнаго сына своей отчизны. Самъ К. Д. Ушинскій далъ для русскихъ матерей и народной русской школы такое руководство—учебникъ „Родное Слово“, а затѣмъ „Дѣтскій Міръ“, какъ сборникъ разсказовъ разумнаго чтенія къ нему. „Родное слово есть основа всякаго умственнаго развитія и сокровищница всѣхъ знаній: съ него начинается всякое пониманіе, черезъ него проходитъ и къ нему возвращается“. „Слово есть плоть духа, продолжаетъ Ушинскій и пока духъ не выработается въ слово, не овладѣетъ имъ совершенно, не проглянѐтъ сквозь него ясно для самого себя и для другихъ, до тѣхъ поръ онъ не можетъ двигаться и развиваться свободно: ему трудно, какъ птицѣ въ клѣткѣ, какъ невольнику въ колодкахъ, онъ бьется, рвется и вянетъ отъ недостатка свободы, движенія; не развивается, а вымокаетъ, какъ зерно подъ водой отъ недостатка атмосферы“...[1]). „Наши училища должны быть проникнуты убѣжденіемъ“, говоритъ далѣе Ушинскій, „что слово есть единственная сфера развитія духа и что на обладаніи этою сферою должно строиться всякое ученіе и развитіе“. „Въ языкѣ народа[2]) одухотворяется весь народъ и вся его родина... это ясно высказывается въ родной пѣснѣ, въ родныхъ напѣвахъ, въ устахъ народныхъ поэтовъ,... въ исторіи духовной жизни народа... Языкъ есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое, историческое, живое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезаетъ народный языкъ, народа нѣтъ болѣе!... И нѣтъ насилія болѣе невыносимаго, какъ то, когда желаютъ отнять у народа наслѣдство, созданное безчисленными поколѣніями его отжившихъ предковъ“... „Являясь, такимъ образомъ, полнѣйшею и вѣрнѣйшею лѣтописью всей духовной, многовѣковой жизни народа, языкъ въ то же время является величайшимъ

---

[1]) „Письма изъ Швейцаріи“, стр. 401.

[2]) „Родное Слово“, стр. 202.

породнымъ наставникомъ, учившимъ народъ тогда, когда не было еще ни книгъ, ни школъ, и продолжающимъ учить его до конца народной исторіи. Усваивая родной языкъ, легко и безъ труда, каждое новое поколѣніе усваиваетъ въ то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавшихъ ему поколѣній, давно уже истлѣвшихъ въ родной землѣ, или жившихъ, можетъ быть, не на берегахъ Рейна и Днѣпра, а гдѣ-нибудь у подошвы Гималая“ [1])...

„Ребенокъ, изучая родной языкъ, пьетъ духовную жизнь и силу изъ родимой груди родного слова“... „Но этотъ удивительный педагогъ—родной языкъ—не только учитъ многому, но и учитъ удивительно легко, по какому-то недосягаемо облегчающему методу“... Требуя развитія народности или національности въ русскомъ воспитаніи, К. Д. Ушинскій, конечно, долженъ былъ и, дѣйствительно, поставилъ во главу угла школьной жизни изученіе именно родного языка, какъ выразителя результатовъ духовной жизни цѣлаго народа, какъ органическое созданіе народной мысли и чувства, какъ выразителя особаго характера народа. А въ характерѣ народа скрывается личность народа, національность его.

„Но какъ мало, восклицаетъ К. Д. Ушинскій, заботятся у насъ объ изученіи отечественнаго языка. Я встрѣтилъ большое сопротивленіе, вводя пять уроковъ русскаго языка въ младшій классъ Смольнаго Института, тогда какъ заграницей я не видалъ, положительно, ни одной школы, гдѣ бы этому предмету не посвящалось вдвое болѣе времени. Трудно разъяснить, заканчиваетъ К. Д. Ушинскій, откуда у насъ возникло понятіе, что русскому языку не стоитъ много учиться“ [2]).

Ушинскій показалъ намъ, что родной языкъ—это вѣрнѣшій наставникъ, самымъ легкимъ способомъ воспитывающій въ духѣ народа, т. е. національно. Замѣчательно ярко, художественно обрисовываетъ К. Д. Ушинскій національныя черты каждаго народа, характеризуя языкъ различныхъ національностей [3]): „Легкая, щебечущая, острая, смѣющаяся, вѣжливая до дерзости, порхающая, какъ мотылекъ, рѣчь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама въ себя, расчитанная рѣчь нѣмца; ясная, сжатая, избѣгающая всякой неопредѣленности, прямо идущая къ дѣлу, практическая рѣчь британца; пѣвучая,

[1]) Ibidem, стр. 203.

[2]) См. Собр. педаг. соч. К. Д. Ушинскаго, II доп. томъ подъ ред. В. Чернышева, стр. 245.

[3]) „Родное Слово“, стр. 205—206.

сверкающая, играющая красками, образная рѣчь итальянца; безконечно льющаяся, волнуемая внутреннимъ вздымающимъ ее чувствомъ и изрѣдка разрываемая громкими всплесками рѣчь славянина—лучше всѣхъ возможныхъ характеристикъ, лучше самой исторіи, въ которой иногда народъ мало принимаетъ участія, знакомятъ насъ съ характеромъ народовъ, создавшихъ эти языки. Вотъ почему лучшее и даже единственно вѣрное средство проникнуть въ характеръ народа — усвоить его языкъ, и, чѣмъ глубже вошли мы въ языкъ народа, тѣмъ глубже мы вошли въ его характеръ". Разъ родной языкъ имѣетъ огромное значеніе въ жизни народа, болѣе всего воспитывая его въ національномъ духѣ, конечно, не безразлично, съ какого языка долженъ ребенокъ начинать свое обученіе. Отвѣтъ ясенъ: родное слово, родной языкъ прежде и раньше всего должны быть изучаемы, потому что то, чѣмъ ребенокъ владѣетъ безсознательно, слѣдуетъ обратить въ сознательное орудіе его жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, изучая языкъ, человѣкъ знакомится черезъ языкъ съ природой, исторіей, логикой и т. д. своего народа; другими словами, культурно развивается въ духѣ своего народа. Основы родного языка, конечно, не филологическое его изученіе, должны быть заложены съ дѣтства. Вотъ почему и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ при изученіи иностранныхъ языковъ, разъ мы считаемъ необходимымъ сдѣлать воспитаніе и образованіе народнымъ, мы должны держаться слѣдующихъ правилъ: 1) не приступать къ изученію иностраннаго языка прежде, чѣмъ будутъ положены прочныя основанія къ обладанію языкомъ отечественнымъ; 2) устроить дѣло такъ, чтобы грамматика родного языка всегда предшествовала грамматикѣ чуждаго; 3) выбравъ тотъ или другой языкъ для изученія, назначать на него возможно большее количество времени и никакъ не менѣе шести часовъ въ недѣлю, на каждый день по уроку, потому что трудности иностраннаго языка могутъ быть побѣждены только безпрестаннымъ повтореніемъ, предупреждающимъ забвеніе; 4) никогда не начинать изученіе двухъ иностранныхъ языковъ разомъ, такъ какъ произойдетъ смѣшеніе и ни одинъ не будетъ усвоенъ, какъ слѣдуетъ; 5) приступать къ изученію второго иностраннаго языка не иначе, какъ давъ прочное основаніе въ первомъ. У насъ же изученіе иностранныхъ языковъ такъ поставлено, что „оно не цивилизуетъ человѣка, но вырабатываетъ типъ людей, мыслящихъ совершенно по-татарски, но не иначе, какъ на французскомъ языкѣ" [1]). Считая

[1]) Ibidem, стр. 214.

необходимымъ изученіе иностранныхъ языковъ для разносторонняго развитія родного, К. Д. Ушинскій нападаетъ на существующіе способы изученія ихъ, доходящіе часто до каррикатуры [1]). „Все это было бы смѣшно, если бы не было такъ грустно", восклицаетъ Ушинскій: „если бы эти богатые плоды изученія иностранныхъ языковъ не стоили молодымъ людямъ лучшихъ лѣтъ жизни, большей половины учебнаго времени и дѣльнаго знакомства съ роднымъ языкомъ, за употребленіе котораго налагаются на дѣтей штрафы и наказанія, какъ будто за употребленіе неприличныхъ словъ, какъ будто за какой-нибудь дурной поступокъ! Душа дитяти рвется выразиться въ родныхъ сочувственныхъ ей формахъ, въ которыхъ ей такъ легко и удобно развиваться, но воспитатель говоритъ: нельзя!—и не только замедляетъ, но и останавливаетъ душевное развитіе, и эта остановка, безъ сомнѣнія, имѣетъ вліяніе на всю жизнь дитяти. Тупость ума и чувствъ, отсутствіе душевной теплоты и поэзіи, господство фразы надъ мыслію, вотъ результаты такихъ воспитательныхъ заботъ".

Въ виду основного направленія своего міровоззрѣнія въ сторону реализма, при наличности идеализма, какъ конечной своей цѣли, К. Н. Ушинскій считалъ, что и преимущественное изученіе классическихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, выдвинутое Н. И. Пироговымъ, какъ необходимое средство гуманитарнаго образованія, не можетъ считаться вѣрнымъ. Ссылаться на вѣковой опытъ въ необходимости изученія классическихъ языковъ не раціонально; у насъ это изученіе, по мнѣнію Ушинскаго, вырабатывало только сухую семинарщину, раздвоенность жизни и науки, и больше ничего. Не непремѣнно преподаваніе классическихъ языковъ воспитываетъ гуманитарно, а такъ можетъ воспитывать преподаваніе любого, раціонально поставленнаго предмета. К. Д. Ушинскій признаетъ, что „*глубокое*" изученіе языка, дѣйствительно приноситъ огромную пользу человѣку, развивая его гуманитарно, но въ понятіе „глубокаго" изученія языка К. Д. Ушинскій вноситъ опредѣленное и полное содержаніе, обнимающее и формальную и реальную сторону вопроса, т. е. глубоко изучать языкъ — это значитъ изучать не только форму языка — его оболочку, логическія построенія въ языкѣ, но изучать, что еще важнѣе, идеи и тѣ чувства, которыя выражаются въ языкѣ, т. е. изучать одновременно и содержаніе языка. А такое изученіе языка, гуманно развивающее человѣка, достигается, главнымъ образомъ и прежде

[1]) Ibidem, стр. 213.

всего, на изученіи родного языка. Это изученіе развиваетъ, по мнѣнію Ушинскаго, прежде всего самопознаніе человѣка, котораго требовалъ въ воспитаніи и Н. И. Пироговъ и ошибочно думалъ достигнуть при помощи преимущественнаго изученія классическихъ языковъ. К. Д. Ушинскій не раздѣляетъ наукъ на чисто гуманистическія и реальныя: каждая наука, говоритъ онъ, можетъ дѣйствовать гуманно и реально, смотря по тому, какъ мы къ ней подходимъ, какъ изучаемъ. Поэтому преподаваніе всякаго предмета можетъ дѣйствовать гуманитарно, но основательное и глубокое изученіе родного языка и родной словесности все же должно дѣйствовать на человѣка, по ученію Ушинскаго, *наиболѣе* гуманитарно. Въ заключеніе своей прекрасной статьи „Родное Слово", К. Д. Ушинскій подтверждаетъ гуманизирующее вліяніе родного языка такъ: „для кого правильное умственное развитіе, полнота духовной жизни, развитіе мысли, чувства, поэзіи въ душѣ, національность человѣка, годность его приносить пользу отечеству, нравственность и даже религія дѣтей ничто въ сравненіи съ хорошимъ парижскимъ выговоромъ, тѣ напрасно трудились читать нашу статью".

Значеніе родного языка, родного слова въ жизни народа, значеніе, такъ ярко очерченное художественнымъ перомъ Ушинскаго, заставляло его признать необходимымъ обучать грамотѣ въ инородческихъ школахъ Россіи на ихъ собственныхъ нарѣчіяхъ. Вотъ что говоритъ Ушинскій о малороссійскихъ школахъ съ существующимъ въ нихъ великорусскимъ нарѣчіемъ [1]): „такая школа, во-первыхъ, гораздо ниже народа: что же значитъ она съ своею сотнею плохо заученныхъ словъ передъ тою безконечно глубокою, живою и полною рѣчью, которую выработалъ и выстрадалъ себѣ народъ въ продолженіе тысячелѣтія; во-вторыхъ, такая школа безсильна, потому что она не строитъ развитія дитяти на единственно плодотворной душевной почвѣ—на народной рѣчи и на отразившемся въ ней народномъ чувствѣ; въ-третьихъ, наконецъ, такая школа безполезна: ребенокъ не только входитъ въ нее изъ сферы совершенно ей чуждой, но и выходитъ изъ нея въ ту же чуждую ей сферу". Такимъ образомъ, пріобрѣтенная грамотность на чуждомъ языкѣ скоро забывается и является, по мнѣнію авторитетнаго и безспорно національнаго педагога, совершенно безполезной. Такое мнѣніе реформатора народной русской школы, въ наше время, время пересмотра школьныхъ учрежденій разнаго рода, со вниманіемъ

[1]) „Письма изъ Швейцаріи", стр. 380.

должно быть разсмотрѣно вновь и учтено для пользы народнаго просвѣщенія.

Самъ чутко относясь къ радостямъ и печалямъ русскаго народа, К. Д. Ушинскій того же требовалъ и отъ другихъ, призванныхъ къ дѣлу народнаго строительства. Какъ горячо звучатъ до сихъ поръ слова К. Д. Ушинскаго въ небольшой, но удивительной по силѣ педагогической статьѣ его „5-го марта 1861 года“, гдѣ, радуясь съ народомъ его свободѣ, пылкій К. Д. Ушинскій восклицаетъ: „Боже мой, сколько нужно школъ, школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни! И не школъ грамотности только, но и такихъ, въ которыхъ бы народъ научился употреблять съ пользою для себя и для другихъ свою свободу... Нужны люди не только грамотные, но люди съ прочными основами умственнаго и нравственнаго образованія“. Въ народѣ пробудилось уже желаніе грамоты, и притомъ самымъ естественнымъ образомъ изъ прямыхъ своихъ источниковъ: изъ пониманія народомъ необходимости образованія для жизни и изъ теплаго источника любви родителей къ дѣтямъ, которыхъ отцы хотятъ приготовить къ жизни лучше той, которую они сами вели. Но если бы даже у народа не было ясно сознанной идеи необходимости образованія, то не повредила бы дѣлу и принудительность этого образованія. К. Д. Ушинскій отмѣчаетъ, что въ Германіи и Швейцаріи, гдѣ народъ самъ создавалъ свои школы, несмотря на принудительность образованія, народъ чрезвычайно любитъ свою школу. У насъ нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ, по словамъ Ушинскаго, свидѣтельствовать о какой-то враждебности отношеній къ народной школѣ заграницей. Но и безъ принудительности къ образованію, народъ у насъ жаждетъ его. Только помогайте сооружать народную школу, только подготовляйте умѣло людей для нея [1])! „Пусть одна пятая доля того, что идетъ на содержаніе кабаковъ и всей откупной братіи, пойдетъ на устройство и содержаніе школъ, и черезъ пять-шесть лѣтъ не будетъ деревни въ тридцать дворовъ, въ которой бы не было порядочной школы“ [2]). „Манифестъ 19-го февраля открылъ крестьянамъ обширное поприще полноправной, гражданской жизни; но сколько въ этой жизни есть правъ, столько и обязанностей. Одна изъ первѣйшихъ обязанностей всякаго гражданина и отца семейства—приготовить въ своихъ дѣтяхъ полезныхъ для общества гражданъ: одно изъ священнѣйшихъ правъ

[1]) Ibidem, стр. 285.
[2]) Ibidem, стр. 286.

человѣка, рождающагося въ мірѣ — право на правильное и доброе воспитаніе". „Но нашъ народъ слишкомъ долго ходилъ во тьмѣ, ему надо, дѣйствительно, помочь разобраться въ себѣ, его надо воспитать къ свободной жизни. Такими помощниками народа должны явиться учителя его, вышедшіе изъ народныхъ учительскихъ семинарій; только они сумѣютъ внести въ народъ не одно знаніе грамоты, но умственное образованіе, христіанскій характеръ и тѣ гражданскія правила жизни, на которыхъ покоится благоденствіе государства". „Народное образованіе и народную школу слѣдуетъ скорѣе поднять на должную высоту. Примѣръ въ этомъ отношеніи для насъ Сѣверная Америка, которая со своею обычною энергіей и быстротою въ десятки лѣтъ сдѣлала для народной школы то, что въ старыхъ государствахъ не могло быть сдѣлано и въ сотни, какъ только сознали, что въ народной школѣ кроется главный корень народнаго благоденствія и безопасности общества отъ случайностей и неожиданностей, порождаемыхъ невѣжествомъ, какъ и всякою другою тьмою".

Большимъ препятствіемъ къ появленію въ народѣ школъ, несмотря на желаніе крестьянъ имѣть школы, кромѣ хронической привычки у крестьянъ пропивать свои излишки, является бѣдность русскаго крестьянства и недостаточная забота государства о вопіющей нуждѣ народа". У нашего правительства все нѣтъ времени подумать о народномъ образованіи [1]). „Понятно, что тамъ, гдѣ крестьянинъ едва можетъ прокормить своихъ дѣтей, да и то не чистымъ хлѣбомъ, а пополамъ съ лебедой, соломой или мякиной,—трудно появиться школѣ". Одновременныя заботы правительства, земствъ, общества могли бы помочь русскому крестьянину выпутаться изъ матеріальной и духовной нужды, но при условіи не вносить регламентаціи, а дѣйствовать убѣжденіемъ, разъясненіемъ, вспомоществованіемъ и только. Всего лучше и естественнѣе будетъ у насъ, говоритъ Ушинскій, оставить народную школу чисто народнымъ дѣломъ, еще болѣе,—чисто семейнымъ дѣломъ народа. А народъ нашъ не любитъ, чтобы интеллигенція вмѣшивалась въ его семейныя дѣла. Кромѣ того, вмѣшательство какой бы то ни было администраціи, съ существующими вѣчными колебаніями, неустановившимися убѣжденіями, отсутствіемъ подчасъ какихъ-либо принциповъ, вмѣшательство это въ дѣло народной школы поставитъ насъ въ еще болѣе отсталое положеніе въ отношеніи образованныхъ государствъ Европы, чѣмъ это было до сихъ поръ; а отсталость на со-

[1]) „Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ", стр. 553.

временномъ языкѣ, прибавляетъ Ушинскій, есть нищенство, безсиліе, зависимость, экономическое и политическое ничтожество.

Простой народъ сурово, зорко и ревниво охраняетъ свою народность, а поэтому можетъ быть представленъ самъ себѣ въ дѣлѣ устройства своей школы. Въ концѣ своей статьи „Общій взглядъ на возникновеніе нашихъ народныхъ школъ“ Ушинскій говоритъ [1]): „народъ нашъ грубъ, но не глупъ и притомъ имѣетъ твердыя, ясныя убѣжденія; въ груди его бьется горячее родительское сердце, которое чутко ко всякой опасности, угрожающей дѣтямъ. Не забудемъ, что если мы многому хотимъ учить простой народъ, то есть многое, чему мы сами отъ него научились. Не забудемъ, что этотъ народъ создалъ тотъ глубокій языкъ, глубины котораго мы до сихъ поръ еще не могли измѣнить; что этотъ простой народъ создалъ ту поэзію, которая спасла насъ отъ забавнаго дѣтскаго лепета, на которомъ мы подражали иностранцамъ; что именно изъ народныхъ источниковъ мы обновили всю нашу литературу и сдѣлали ее достойною этого имени; что этотъ простой народъ, наконецъ, создалъ и эту великую державу, подъ сѣнью которой мы живемъ. Кто хорошо знакомъ съ исторіей Россіи, тотъ ни на минуту не задумается вручить народное образованіе самому же народу“. Помогающія мѣры духовенства и земства могутъ сдѣлать много въ дѣлѣ развитія народной школы. Какъ много можетъ сдѣлать для народной школы земство, видно было въ свое время на дѣятельности Александровскаго земства Екатеринославской губерніи, гдѣ, при непосредственномъ участіи великаго учителя народной школы, барона Н. А. Корфа, въ три года вся Екатеринославская губернія, а по ея примѣру и другія губерніи, были обильно засѣяны народными школами, и пропаганда объ этихъ школахъ при помощи „Отчетовъ“ Екатеринославскаго земства, задолго до начинаній правительства, ознакомила всю Россію съ этими образцовыми школами и привила народу вкусъ къ нимъ.

Идея церковной школы не пустила у насъ корней ни въ народѣ, ни въ духовенствѣ. Народъ смотритъ на учреждаемыя на его средства школы, какъ на свои, и очень практично требуетъ, чтобы учитель весь отдался школѣ, чего отъ священнослужителя требовать нельзя.

3. Воскресныя школы.

Въ дѣлѣ развитія національнаго самосознанія большую роль можетъ сыграть, кромѣ народныхъ школъ, учрежденіе такъ называе-

[1]) Стр. 566.

мыхъ воскресныхъ школъ. Ихъ до сихъ поръ слишкомъ мало у насъ, а по селамъ и до сего времени не существуетъ, а между тѣмъ воскресныя школы, какъ отмѣчалъ и К. Д. Ушинскій, одно изъ дѣятельныхъ средствъ для предупрежденія среди народа разврата и другихъ бѣдствій.

Мудро предупреждалъ насъ К. Д. Ушинскій не задерживать стремленія народа къ просвѣщенію: „Задержанное развитіе во всякомъ живомъ организмѣ выражается болѣзнью; таковъ благодѣтельный и вмѣстѣ грозный законъ природы“ [1]). Съ результатами этого закона мы отлично расплачиваемся въ настоящее время, въ видѣ непрекращающихся болѣзненныхъ вспышекъ: погромы, грабежи, убійства и т. д. Необходимо было бы распространять воскресныя школы въ виду ихъ нравственнаго значенія: онѣ помогаютъ образованнымъ людямъ сближаться съ людьми рабочаго класса, уничтожая существующій между ними антагонизмъ. При устройствѣ воскресной школы, какъ и народныхъ школъ вообще, для К. Д. Ушинскаго, гуманиста и опытнаго изслѣдователя, было ясно, что воскресная школа должна быть основана на свободномъ желаніи—у народа, съ одной стороны, учиться, съ другой—учить, при чемъ главная задача воскресной школы заключается въ томъ, чтобы пробудить умственныя способности учащихъ къ самодѣятельности, зажечь ихъ желаніемъ учиться, привить привычку ученія, до извѣстной степени направлять ихъ и руководить ими, т. е. воспитывать въ народномъ духѣ; кромѣ этого, необходимо сообщать учащимся полезныя знанія. К. Д. Ушинскій намѣчаетъ въ статьѣ „Воскресныя школы“, какъ слѣдуетъ преподавать въ воскресной школѣ, попутно раскрывая раціональные методы обученія грамотѣ (совмѣстно обучая азбукѣ и письму). Небольшія библіотеки при воскресныхъ школахъ—условіе разумнаго обученія народа.

4. Педагогическая литература.

Указывая на необходимость созданія національной школы, работая надъ изслѣдованіемъ вопроса по отысканію элементовъ народности, выдвигая передъ нами послѣ тщательныхъ психологическихъ и историческихъ изслѣдованій элементы народнаго воспитанія, указывая на значеніе учительскихъ семинарій, родного слова, воскресныхъ школъ въ дѣлѣ развитія народнаго воспитанія, К. Д. Ушинскій находитъ, что русская школа можетъ перереформироваться въ корнѣ только

[1]) „Воскресныя школы“, стр. 184.

тогда, когда *всѣ* поймутъ необходимость созданія именно такой, а не иной школы, т. е. когда создастся у насъ такъ называемое *общественное педагогическое мнѣніе*, въ видѣ руководящей педагогической идеи. А подобнаго рода педагогическая идея есть ни что иное, какъ совокупность убѣжденій, господствующихъ въ обществѣ, по вопросамъ воспитанія. Этими убѣжденіями долженъ одухотворяться и воспитатель въ школѣ (преподаваніе есть одно изъ средствъ воспитанія). Какъ же дѣйствовать на личность воспитателя? спрашиваетъ Ушинскій. И самъ же отвѣчаетъ: 1) педагогическимъ воспитаніемъ и 2) развитіемъ педагогической литературы. О значеніи перваго мы говорили, когда высказывали взглядъ К. Д. Ушинскаго на значеніе учительскихъ семинарій. Переходимъ къ вопросу о педагогической литературѣ. Педагогическая литература, говоритъ Ушинскій, устанавливаетъ въ обществѣ правильныя требованія въ отношеніи воспитанія, а съ другой—открываетъ средства для удовлетворенія этихъ требованій. Кромѣ того, педагогическая литература воодушевляетъ воспитателя, какъ равноправнаго члена общества, не забытаго всѣми, и вдохновляетъ его на трудъ усовершенствованія педагогическаго дѣла. Дѣйствительно, интересъ къ воспитанію повышается и у самого воспитателя только съ глубокимъ изученіемъ вопросовъ воспитанія. Обязанность педагогической литературы должна заключаться въ томъ, чтобы раскрыть весь глубокій и заманчивый интересъ воспитательной дѣятельности. „При существованіи педагогической литературы, опытъ и мысль, которую выработалъ преподаватель въ своей практикѣ—говоритъ Ушинскій [1])—новый вопросъ, родившійся въ его головѣ, все это не остается въ предѣлахъ его школы, или, что еще хуже, не умретъ въ немъ самомъ; но, появившись на литературномъ поприщѣ, облетитъ всѣ концы Россіи, заглянетъ во всѣ захолустья, гдѣ только есть школа, и вызоветъ сочувствіе или споръ въ сотнѣ его товарищей, дѣла которыхъ коснется мысль его прямо: она можетъ вызвать горячее сочувствіе, пріобрѣсти защитниковъ и перейти въ дѣйствительность не въ тѣсныхъ предѣлахъ одного класса или одной школы, но въ обширныхъ предѣлахъ общественнаго образованія цѣлаго государства“. Принося пользу воспитателямъ, педагогическая литература приноситъ огромную пользу и родителямъ. Надо имѣть ясныя понятія о воспитаніи, чтобы изучить наклонности дѣтей, „знать требованія и цѣли различныхъ родовъ воспитанія и ученья, умѣть выбрать и оцѣнить ихъ достоин-

[1]) „О пользѣ педагогической литературы“, стр. 17.

ства и недостатки" — все это даетъ педагогическая литература [1]). Если въ Англіи общественное мнѣніе выработалось эволюціоннымъ историческимъ путемъ, то въ Сѣверной Америкѣ намѣренно развитіемъ въ обществѣ педагогическихъ свѣдѣній всякаго рода, собраніемъ и опубликованіемъ мельчайшихъ фактовъ, относящихся къ общественному воспитанію, установили почти внезапно, правильное общественное мнѣніе о воспитаніи и возбудили въ обществѣ живой интересъ къ этому дѣлу. Вслѣдъ за тѣмъ распространилось и улучшилось само общественное воспитаніе. Такъ какъ органомъ жизни убѣжденій является педагогическая литература, то черезъ педагогическую литературу, т. е. черезъ выработанныя въ обществѣ убѣжденія, воспитаніе могущественно вліяетъ на человѣка и общество, измѣняя ихъ, въ цѣляхъ болѣе разумной и счастливой жизни всего народа. Кромѣ развитія педагогической литературы, той же цѣли достигаютъ популяризація педагогическихъ знаній, открытіе педагогическихъ библіотекъ, новыхъ и новыхъ педагогическихъ журналовъ. Починъ и руководство въ этомъ дѣлѣ должны взять на себя наши ученыя корпораціи, высшія учебныя заведенія и особенно высшія педагогическія школы. Слѣдовало бы указать на необходимость скорѣйшаго введенія всеобщаго обученія на началахъ обязательности, на бѣдность земскихъ учрежденій, обслуживающихъ нужды деревни, на необходимость созданія однотипной двухлѣтней самоуправляющейся школы.

5. Университетскій вопросъ.

Намѣтивъ цѣлый рядъ крупныхъ реформъ въ области низшаго и средняго образованія, указавъ на значеніе педагогической литературы въ выработкѣ общественнаго педагогическаго мнѣнія, К. Д. Ушинскій не прошелъ мимо и университетской реформы, повидимому, полно разработанной у Н. И. Пирогова. Но точка зрѣнія на этотъ вопросъ у К. Д. Ушинскаго иная, чѣмъ у Пирогова. К. Д. Ушинскій задается вопросомъ, необходима ли реформа университета? И отвѣчаетъ—нѣтъ. Университеты, говоритъ онъ, оказывали и оказываютъ огромную пользу русской жизни и, если они неудовлетворительны, то причина не въ нихъ, не въ устояхъ, а въ совершенно особенныхъ случайныхъ обстоятельствахъ, внѣшнихъ, не зависящихъ отъ университета. Не слѣдуетъ стѣснять, говоритъ Ушинскій, университетскіе совѣты, а слѣдуетъ только позаботиться, чтобы эти совѣты со-

[1]) Ibid., стр. 24.

стояли изъ людей, заслуживающихъ довѣрія, искренно желающихъ процвѣтанія науки и своего университета [1]). „Правила и регламенты въ дѣлѣ воспитанія дѣйствуютъ положительно дурно", прибавляетъ Ушинскій [2]). „Если мы желаемъ искренно развитія науки въ нашемъ отечествѣ и блага нашимъ университетамъ, мы должны уничтожить чиновничество профессоровъ въ корнѣ, производство въ генералы погубило у насъ не одного хорошаго профессора. Слѣдуетъ профессора поставить въ такое положеніе, чтобы онъ могъ заботиться только о наукѣ и пользѣ своихъ слушателей. Считая, что главная причина неурядицъ въ университетѣ лежитъ внѣ его, К. Д. Ушинскій предлагаетъ университетамъ обратить вниманіе на слѣдующее: во-первыхъ, возобновить составъ университетскихъ совѣтовъ посредствомъ профессорскаго института, къ участію въ составленіи котораго слѣдуетъ призвать не только университеты, академіи, но и всѣхъ нашихъ замѣчательныхъ ученыхъ; во-вторыхъ, широкимъ учрежденіемъ доцентства положить основаніе постоянному обновленію университетскихъ силъ; въ-третьихъ, болѣе раскрыть наши университеты суду общественнаго мнѣнія, чего можно достигнуть, публикуя въ университетскихъ журналахъ рѣшенія совѣтовъ съ полнымъ изложеніемъ доводовъ этихъ рѣшеній; въ-четвертыхъ, дать университетскимъ совѣтамъ полное довѣріе въ избраніи доцентовъ, въ открытіи и закрытіи новыхъ каѳедръ и т. п., въ-пятыхъ, освободить профессорское званіе отъ всякаго чиновническаго оттѣнка. Развитіе самодѣятельности въ университетѣ, посредствомъ возможно лучшей постановки практическихъ занятій въ нихъ, необязательное посѣщеніе лекцій, конкурированіе доцентовъ съ профессорами, К. Д. Ушинскій, какъ и Н. И. Пироговъ, считаетъ важнѣйшими условіями наиболѣе цѣлесообразнаго устройства русскихъ университетовъ. Мудро и поучительно замѣчаетъ К. Д. Ушинскій [3]): „чѣмъ болѣе значеніе ученаго будетъ основываться на его познаніяхъ, на его заслугахъ въ наукѣ, на его вліяніи на товарищей, слушателей и общество, а не на выдержанныхъ экзаменахъ и аттестатахъ, тѣмъ лучше; у китайцевъ все совершается по экзамену, но не дай Богъ намъ внести въ науку элементъ китайскаго застоя"! Указывая на ненужность реформы университета, Ушинскій тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ необходимость нѣкоторыхъ изъ нихъ, хотя и находитъ, что причиною не-

[1]) „Педагогич. соч. Н. И. Пирогова" см. стр. 527 (изъ соч. Ушинскаго).
[2]) Ibid., стр. 531, 532.
[3]) Ibidem, стр. 542.

устройства русскихъ университетовъ является общее неустройство русской жизни, т. е. указываетъ на причину, лежащую внѣ университета.

6. Женскій вопросъ. Условія хорошаго преподаванія.

Глубокій гуманистъ по природѣ, народный педагогъ въ широкомъ смыслѣ слова, Ушинскій не прошелъ мимо воспитанія женщинъ и реально поработалъ для дѣла ихъ эмансипаціи. Будучи инспекторомъ Смольнаго института, К. Д. Ушинскій преобразовалъ прежній 6-лѣтній курсъ на семилѣтній, по 1-му году въ классѣ, чего раньше не было, выхлопоталъ воспитанницамъ отпуски, устроилъ педагогическіе классы, призвалъ женщинъ въ качествѣ преподавательницъ мужскихъ воскресныхъ школъ, въ виду благотворнаго ихъ вліянія на этомъ поприщѣ, подготовилъ ихъ къ высшему образованію, развилъ въ нихъ стремленіе къ нему. Женщина черезчуръ видный членъ общества, чтобы игнорировать ее, говорилъ К. Д. Ушинскій, она многими невидимыми нитями, въ качествѣ матери, дочери, жены, воспитательницы, просто гражданки, дѣйствуетъ на всѣ стороны жизни. Не лучше ли невидимое, тайное сдѣлать открытымъ и явнымъ, замѣчаетъ онъ.

Теперь начинаютъ понемногу сознавать, говоритъ К. Д. Ушинскій [1]), что воспитаніе женщины, кромѣ индивидуальнаго и семейнаго значенія, имѣетъ еще огромное значеніе въ народной жизни, что черезъ женщину только успѣхи науки и цивилизаціи могутъ войти въ народную жизнь. Дѣйствительно, характеръ человѣка болѣе всего формируется въ первые годы его жизни, и то, что ложится въ этотъ характеръ въ эти первые годы,—ложится прочно, становится второю природою человѣка; но такъ какъ дитя въ эти первые годы свои находится подъ исключительнымъ вліяніемъ матери, то и въ самый характеръ его можетъ проникнуть только то, что проникло уже прежде въ характеръ матери. Все, что усвоивается человѣкомъ впослѣдствіи, никогда уже не имѣетъ той глубины, какою отличается все, усвоенное въ дѣтскіе годы. Такимъ образомъ, женщина является необходимымъ посредствующимъ членомъ между наукою, искусствомъ и поэзіей съ одной стороны,—нравами, привычками и характеромъ народа съ другой. Изъ этой мысли вытекаетъ уже сама собою необходимость пол-

---

[1]) Собраніе педагог. сочиненій К. Д. Ушинскаго. Томъ 2-й дополнительный, подъ ред. В. Чернышева. С.-Пб. 1909 г., стр. 215, 216.

наго, всесторонняго образованія женщины уже, такъ сказать, не для одного семейнаго обихода, но имѣя въ виду высокую цѣль—провести въ жизнь народа результаты науки, искусства и поэзіи.

Приготовить будущую мать и воспитательницу достойнымъ образомъ это значитъ воспитать общество и народъ. Особенно же вліяютъ на образованіе народнаго характера женскія закрытыя учебныя заведенія. Дѣвочка, прожившая семь, восемь, десять лѣтъ въ стѣнахъ закрытаго учебнаго заведенія, пропитывается духомъ этого заведенія до глубины своей природы; такъ что опытный и наблюдательный взглядъ легко узнаетъ, даже въ шестидесятилѣтней старухѣ [1]), воспитанницу того или другого характернаго интерната. Сотни офранцуженныхъ женскихъ характеровъ, привлекательныхъ по молодости, красотѣ, французской наивности и изяществу манеръ, дѣлаясь законодательницами общества, хозяйками, матерями и воспитательницами чужихъ дѣтей, передѣлываютъ мало-по-малу семейный и общественный бытъ, глубоко проникая въ самые нравы и обычаи народа.

К. Д. Ушинскій иронизируетъ надъ такъ называемымъ хорошимъ воспитаніемъ. „Воспитанная дѣвушка должна умѣть пустить пыль въ глаза, пробѣжать небрежно трудную арію, соединять наивность съ холоднымъ разсудкомъ, подъ ласковой улыбкой скрывать самыя неласковыя движенія души и т. п. Скажите, восклицаетъ К. Д. Ушинскій, какъ назвать тѣхъ воспитателей, которые рѣшаются удовлетворять такимъ требованіямъ? Называйте, какъ угодно, только ради Бога—не воспитателями“!

Ушинскій желалъ бы, чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, подготовилась должнымъ образомъ къ этой отвѣтственной роли руководительницы подрастающаго поколѣнія, будущаго народа и не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости. Въ воспитаніи и образованіи, которыя должны быть всегда въ однѣхъ рукахъ, женщинѣ принадлежитъ первая роль.

„Личныя мои наблюденія“, говоритъ К. Д. Ушинскій [2]), „убѣдили меня, что женщина способна управлять обширнымъ воспитательнымъ заведеніемъ, давать ему направленіе, способна и къ преподавательской дѣятельности. При чемъ, если женское преподаваніе въ иныхъ мѣстахъ (какъ, напримѣръ, во Франціи) слабѣе мужского, то это за-

[1]) Собр. педаг. соч. К. Д. Ушинскаго, 2-й доп. томъ 1909 г., подъ ред. Чернышева.

[2]) Ibid., стр. 294.

виситъ единственно отъ малаго подготовленія женщинъ къ учительскому дѣлу, отъ ихъ меньшей развитости сравнительно съ учителями, а также и отъ того стѣсненнаго положенія, въ которое ставятъ учительницу законъ и общественное мнѣніе. Но если учительница подготовлена къ своему дѣлу, то она является образцовой преподавательницей (напримѣръ, учительницы въ Бернской школѣ).

Что-же касается воспитанія, то природа скрыла въ характерѣ женщины богатыя средства для воспитанія дѣтей. Сосредоточенность вниманія, точность, терпѣніе, настойчивость, любовь къ порядку, нѣжность, манеры, вкусъ и, наконецъ, врожденная любовь къ дѣтямъ— все это такія качества, которыя встрѣчаются скорѣе и въ большей степени въ женщинѣ, нежели въ мужчинѣ.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, говоритъ Ушинскій, женщины-преподавательницы начинаютъ вытѣснять мужчинъ - учителей, особенно, въ низшей школѣ. Прекрасныя преподавательницы встрѣчаются и въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Женское воспитаніе, въ приготовленіи типа „кисейныхъ барышенъ“, какъ ихъ мѣтко называлъ Писаревъ, было не по нутру К. Д. Ушинскому. Глубоко заинтересованный, хотя бы въ качествѣ инспектора Смольнаго института, въ дѣйствительномъ улучшеніи женскаго образованія и воспитанія, Ушинскій умѣлъ найти людей, способныхъ одушевиться его идеями, и со своими талантливыми сотрудниками, какъ-то: Водовозовымъ, Ор. Миллеромъ, Модзалевскимъ и др., умѣлъ успѣшно бороться съ общественными предразсудками, мужественно отстаивая свои убѣжденія и находя, что участіе женщинъ въ распространеніи и улучшеніи образованія народа необходимо для всего русскаго народа. Ушинскій отлично сознавалъ, что намъ въ школахъ недостаетъ хорошихъ учительницъ и учителей въ одинаковой мѣрѣ. Прекрасныя педагогическія способности женщины не только въ низшей, но средней и высшей школѣ обрисованы Ушинскимъ полно и сильно въ одномъ изъ его писемъ изъ Берна, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ Einwohnern-Mädchenschule. Прекрасная постановка школьнаго дѣла въ Бернской женской школѣ заставили Ушинскаго отмѣтить и выдѣлить хорошіе способы преподаванія, которые были имъ наблюдаемы не только въ преподаваніи образцоваго педагога-директора, но главнымъ образомъ въ преподаваніи талантливыхъ учительницъ. Условія хорошаго преподаванія, говоритъ Ушинскій, слѣдующія [1]): 1) все ученіе должно совершаться въ

[1]) „Письма изъ Швейцаріи“, стр. 392.

классѣ не только при учителѣ, но вмѣстѣ съ учителемъ, безъ всякихъ домашнихъ уроковъ и задачъ; 2) безпрестанно должно повторяться старое съ прибавленіемъ новаго при каждомъ повтореніи такъ, чтобы новое непремѣнно строилось на старомъ; 3) какъ можно меньше ежедневный урокъ; 4) возможно меньшія годовыя задачи въ младшихъ классахъ и постепенное увеличеніе ихъ въ старшихъ; 5) при каждомъ годовомъ экзаменѣ слѣдуетъ спрашивать все пройденное въ прежнихъ классахъ. Эти требованія основаны на общихъ законахъ развитія души человѣческой и есть необходимыя условія хорошей школы. Кстати, упомянемъ и о другихъ замѣчаніяхъ Ушинскаго относительно тѣхъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія, которыя слѣдовало бы примѣнять въ семьѣ и школѣ. Въ виду огромнаго значенія естественнаго, коренного стремленія въ человѣкѣ къ дѣятельности, необходимо во всѣхъ школахъ развивать самодѣятельность, а русскихъ дѣтей, для развитія самодѣятельности слѣдовало бы отучать отъ прислуги, крѣпостнической закваски нашихъ отцовъ. Пусть пара здоровыхъ рукъ помогаетъ дѣтямъ обходиться безъ посторонней помощи. Надо помнить, замѣчаетъ Ушинскій, что выработка добрыхъ привычекъ это нравственный капиталъ, положенный въ свою нервную систему, процентами съ котораго человѣкъ пользуется, дурныя же привычки—нравственно невыплаченный заемъ. Полезно въ ребенкѣ вырабатывать терпѣніе и научать преодолѣвать всякаго рода препятствія. Естественную, прирожденную смѣлость передѣлывать въ ребенкѣ, путемъ воспитательнаго воздѣйствія, въ мужество, но, конечно, не страхомъ, дѣйствующимъ лишь подавляющимъ образомъ. Для выработки самостоятельности полезно по временамъ оставлять ребенка одного. Въ минуты уединенія слагается индивидуальная личность ребенка, часто болѣе прочно и полно, чѣмъ при постоянномъ, неусыпномъ воспитательномъ воздѣйствіи. Водить ребенка постоянно на помочахъ Ушинскій считалъ чрезвычайно вреднымъ для самостоятельнаго его развитія. Преподаваніе этики, въ видѣ нравственныхъ бесѣдъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, признавалось Ушинскимъ въ цѣляхъ нравственнаго воспитанія не только полезнымъ, но и необходимымъ.

Что касается записокъ, выдаваемыхъ или диктуемыхъ преподавателями въ классѣ, вмѣсто существующихъ, плохихъ въ большинствѣ случаевъ, учебниковъ, то Ушинскій даетъ намъ слѣдующія указанія: переписка записокъ или запись подъ диктовку—то и другое психологически вредно, потому что пріучаетъ къ бездѣйствію ума. Единственно, что допустимо,—это составленіе конспектовъ прослушанной

лекціи и то только въ высшихъ классахъ. Но къ этому надо пріучать постепенно съ дѣтства—записываніемъ прослушанныхъ мелкихъ разсказовъ, вырабатывая въ дѣтяхъ навыкъ открывать въ разсказѣ логическую связь, выражая свои мысли кратко и ясно. Наблюденія К. Д. Ушинскаго надъ женской школой въ Бернѣ показали ему, что при такомъ веденіи дѣла конспекты лекцій въ старшихъ классахъ очень хороши и цѣлый обширный курсъ умѣщается въ маленькой тетрадкѣ, превосходно напоминающей все, что было существеннаго въ лекціи [1]). Помимо врожденнаго таланта, нужно вырабатывать и навыки для хорошаго преподаванія. Вотъ почему такъ необходима не столько ученость, сколько подготовка къ воспитанію и обученію, т. е. къ педагогической дѣятельности. Секретъ воспитательнаго вліянія заключается въ выработкѣ характера воспитателя, потому что воспитательное воздѣйствіе ничто иное, какъ вліяніе развитого характера на формирующійся. Вотъ почему такъ важенъ въ воспитаніи примѣръ, т. е. вліяніе личности съ опредѣленнымъ, устойчивымъ, гибкимъ характеромъ, выработать который должны, какъ глубоко вѣрилъ Ушинскій, образцово созданныя учительскія семинаріи. Для выработаннаго характера не трудно найти середину между распущенностью класса и его мертвою неподвижностью, успѣшно оживляя и освѣжая, а вмѣстѣ съ тѣмъ организуя въ классѣ трудъ при посредствѣ хорового пѣнія.

К. Д. Ушинскій обратилъ вниманіе и на огромное значеніе народныхъ игръ въ дѣлѣ воспитанія. Слѣдовало бы, говоритъ онъ, разработать этотъ богатый источникъ народнаго творчества, слѣдовало бы организовать ихъ и создать изъ нихъ превосходное и могущественное воспитательное средство [2]). И въ этомъ видѣлъ К. Д. Ушинскій задачу будущей педагогики.

К. Д. Ушинскій, какъ истинно національный педагогъ, требовалъ сдѣлать въ русской школѣ, хоть изъ подражанія иностранцамъ, главными предметами [3])—русскій языкъ, русскую географію, русскую исторію, возлѣ которыхъ группировались бы всѣ остальные.

7. Трудъ—корень народнаго воспитанія.

К. Д. Ушинскій, задавшись идеальною цѣлью воспитать человѣка, въ духѣ Н. И. Пирогова, указалъ намъ, какъ конкретнымъ путемъ понятіе человѣка обратить въ понятіе сына своей родины. Изучивъ

[1]) „Письма изъ Швейцаріи“, стр. 343.
[2]) Собр. педаг. соч. К. Д. Ушинскаго, II томъ дополн. 1909 г., стр. 222.
[3]) Ibid., стр. 254.

душу народа черезъ долгую исторію его, Ушинскій открылъ намъ насъ самихъ, влилъ вѣру въ силы народа, поднялъ достоинство націи, уваженіе къ ней черезъ поднятіе достоинства каждаго отдѣльнаго человѣка. Ростъ уваженія къ цѣлому народу растетъ въ каждой націи параллельно съ повышеніемъ національнаго самосознанія, а послѣднее неразрывно связано со степенью просвѣщенія народа, съ развитіемъ того, что заложено въ самую природу человѣка, съ развитіемъ въ человѣкѣ привычки къ труду, отвѣчающей дѣятельной сторонѣ человѣка и повышающей личное, нравственное человѣческое достоинство его. Трудъ—это пружина, организующая жизнь разумнымъ образомъ. Самъ К. Д. Ушинскій такъ опредѣляетъ трудъ [1]): „трудъ есть такая свободная и согласная съ христіанскою нравственностью дѣятельность человѣка, на которую онъ рѣшается по безусловной необходимости ея для достиженія той или другой истинно человѣческой цѣли въ жизни“ [2]). „Матеріальные плоды трудовъ составляютъ человѣческое достояніе; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служитъ источникомъ человѣческаго достоинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственности и счастья. Отсутствіе труда у отдѣльной личности, семьи, сословія, рода, народовъ, приводитъ къ ихъ вырожденію. Чтобы трудъ оказывалъ воспитательное воздѣйствіе на человѣка, повышеніемъ его человѣческаго достоинства, необходимо, чтобы трудъ былъ личный, свободный, цѣлесообразный и разносторонній, т. е. физическій, умственный и нравственный; послѣдній направленъ къ уничтоженію въ самомъ себѣ дурныхъ, вредныхъ для человѣка и общества наклонностей. Трудъ двигаетъ человѣка по пути прогресса: безъ труда не можетъ быть развитія, а кто не движется впередъ, тотъ неминуемо идетъ назадъ — таковъ законъ природы. Умственный трудъ, не сверхъ мѣры, конечно, возбуждая нервную систему, повышаетъ кровообращеніе, пищевареніе, дольше сохраняетъ человѣка молодымъ и подвижнымъ“ [3]). „Кто не испыталъ, какъ послѣ тяжелаго труда, долго поглащавшаго всѣ силы человѣка, и небо кажется свѣтлѣе, и солнце ярче, и люди добрѣе?“ восклицаетъ Ушинскій [4]). „Какъ ночные призраки отъ свѣжаго утренняго луча“, продолжаетъ Ушинскій свою мысль: „бѣгутъ отъ свѣтлаго и спокойнаго лица труда—тоска, скука, капризы, прихоти, всѣ эти бичи людей

[1]) „Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи“, стр. 155.
[2]) Ibidem, стр. 154.
[3]) Ibidem, стр. 158.
[4]) Ibidem, стр. 162.

праздныхъ и романтическихъ героевъ, страдающихъ обыкновенно высокими страданіями людей, которымъ нечего дѣлать"... Любовь, дружба, всякаго рода наслажденія въ жизни только тогда прочны, когда основу ихъ составляетъ трудъ [1]). „Если супруги ровно, дружно, какъ двѣ дышловыя лошади, подымаютъ тяжелую борозду ихъ жизненнаго пути, тогда всѣ ссоры и расчеты быстро исчезаютъ передъ ежедневно возникающею необходимостью обоюднаго труда". Въ виду огромнаго значенія труда въ жизни человѣка, въ развитіи народнаго самосознанія, воспитаніе должно приготовлять человѣка къ труду жизни, а вовсе не для счастья. Вотъ какъ характерно рисуетъ К. Д. Ушинскій значеніе труда [2]): „Трудъ сдѣлался отличительнымъ признакомъ сына земли, знакомъ его паденія и указаніемъ пути къ совершенствованію, признакомъ безсилія и залогомъ силы; цѣпью, накинутою природою на человѣка, и уздою въ рукахъ человѣка для обузданія самовластія природы, клеймомъ рабства и печатью свободы; жизнь и самое счастіе стали трудомъ; но за то въ трудѣ же нашелъ человѣкъ и жизнь, и единственно-достойное его счастье".

Мы видѣли, что трудъ цѣненъ своей внутренней стороной, воздѣйствіемъ на человѣка, тѣмъ воздѣйствіемъ, которое повышаетъ человѣческое достоинство; поэтому надо въ воспитаніи заботиться о развитіи не матеріальныхъ, а духовныхъ сторонъ человѣка [3]). „Всякая школа, прежде всего, должна показать человѣку то, что въ немъ есть самаго драгоцѣннаго, заставить его познать себя частицей Безсмертнаго и живымъ органомъ мірового, духовнаго развитія человѣчества". Развитая жажда труда въ человѣкѣ роднитъ его съ Безсмертнымъ, вотъ почему правильное воспитаніе не только снабжаетъ человѣка опредѣленными знаніями, но зажигаетъ въ человѣкѣ жажду серьезнаго труда, безъ котораго жизнь не можетъ быть ни достойною, ни счастливою, а для развитія этого слѣдуетъ пріучить учащихся серьезно смотрѣть на жизнь, не обращая никогда ученья въ какое-то шутовское, веселое занятіе, родъ развлеченія. Ученье—трудъ, но отнюдь не развлеченіе и не игра, послѣднее позволительно только до 7-ми лѣтняго возраста. Мало зажечь ученика жаждой труда, необходимо, кромѣ того, выработать въ учащихся привычку къ труду, какъ бы отравить ядомъ труда до такой степени, чтобы трудъ обратился въ ежедневную потребность человѣка столь же естественную, какъ пища,

[1]) Ibidem, стр. 162.
[2]) Ibidem, стр. 168.
[3]) Ibidem, стр. 171.

питіе и сонъ. Средства къ этому слѣдующія: посильность труда, вспомогательное преподаваніе (учить трудиться, помогать разбираться въ трудностяхъ), разумный отдыхъ, выработка привычки быстро, безъ страданій переходить отъ отдыха къ новой работѣ, выработать методу преподаванія держать весь классъ постоянно въ возбужденномъ состояніи, дабы не было ни у кого привычки сидѣть цѣлые часы, ничего не дѣлая и ничего не думая, потому что въ эти минуты, какъ говоритъ Ушинскій, портится голова, сердце и нравственность человѣка больше всего.

Воспитаніе должно помочь человѣку открыть себѣ въ жизни полезный трудъ и внушить неутомимую жажду труда. Только при соблюденіи этихъ условій воспитаніе образуетъ человѣка, сдѣлаетъ его вѣрнымъ сыномъ земли, подыметъ его нравственно и черезъ это придастъ національную физіономію народу, обративъ отвлеченное понятіе человѣка въ личность народа.

Хорошая разумно-нравственная организація ремесленныхъ школъ въ Россіи не только дали бы отличныхъ подмастерьевъ, но и хорошихъ мастеровъ и хозяевъ изъ русскихъ; тогда къ намъ, говоритъ К. Д. Ушинскій, перестанутъ пріѣзжать наживаться чужеземные эксплоататоры нашихъ замѣчательныхъ дарованій и нашихъ слабыхъ характеровъ [1]). Въ работѣ-трудѣ наши характеры укрѣпились бы, а вмѣстѣ съ этимъ окрѣпло бы и національное самосознаніе.

Въ выясненіи психологическаго и воспитательнаго значенія труда, К. Д. Ушинскій дошелъ до философскаго корня жизни, какъ реальной силы, средства обратить идеализмъ Пирогова въ дѣйствительное дѣло жизни. Глубокая любовь къ человѣку—другими словами гуманизмъ Ушинскаго — и здѣсь по духу идеальна, а по способу выполненія реальна, національна, основана на фактическихъ данныхъ безспорно достовѣрнаго, опытнаго характера.

ГЛАВА IV.

К. Д. Ушинскій—создатель педагогики - науки.

Міровоззрѣніе Ушинскаго, какъ опредѣленная система, объединило всѣ частные вопросы воспитанія вокругъ основного ядра ея; „будь человѣкомъ! или будь сыномъ своей родины: познай душу народа и свободно трудись на благо его“. Остается отвѣтить на 3-й, постав-

[1]) Собр. педаг. соч. К. Д. Ушинскаго, II доп. томъ 1909 г., стр. 312.

ленный нами въ предшествующей главѣ, вопросъ: насколько педагогическая система Ушинскаго, въ видѣ философскаго міровоззрѣнія, представляетъ изъ себя систему *научнаго* міровоззрѣнія? Другими словами,—не является ли педагогика у К. Д. Ушинскаго не только искусствомъ, но и наукой въ то же время?

Прежде всего попробуемъ нѣсколько подробнѣе остановиться на положеніяхъ великаго реформатора, выставленныхъ имъ противъ утвержденій, что педагогика—наука. Намъ кажется, что К. Д. Ушинскій, рѣшивъ для себя и другихъ, что педагогика *не* наука, на самомъ дѣлѣ *впервые* на Руси *обосновалъ* педагогику, какъ науку, указавъ своимъ послѣдователямъ на *пути, способы*, которыми можетъ быть разработана педагогика, какъ наука.

Если философскія обоснованія педагогическихъ вопросовъ у Ушинскаго сами по себѣ научны, настолько научны, что педагогическія положенія, выставляемыя имъ, какъ принципы дѣйствія, становятся безспорно достовѣрными, тогда и совокупность, такимъ образомъ, обоснованныхъ положеній составитъ содержаніе захватывающей эти вопросы науки,—именно, педагогики. Конечно, и средства, которыми пользуется Ушинскій, обосновывая то или другое педагогическое положеніе, должны быть сами по себѣ *научны*.

Посмотримъ, что говоритъ самъ К. Д. Ушинскій противъ признанія педагогики наукой. Въ сочиненіяхъ: „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“, „О народности въ общественномъ воспитаніи“, Ушинскій ясно высказалъ слѣдующее: „педагогика не наука, но искусство, потому что говоритъ о томъ, что должно быть, а не о существующемъ... Это высшее искусство, потому что совершенствуетъ природу человѣка—душу и тѣло“... „Педагогика—собраніе правилъ, нормъ воспитательной дѣятельности“.

Что педагогика одновременно и искусство, мы этого не отрицаемъ: практика, дѣло совершенствованія тѣла и души человѣка—это искусство, но руководящіе принципы, правила воспитанія, составляющія педагогическое міровоззрѣніе, философски обоснованное, должны быть разсматриваемы не иначе, какъ непреложные законы дѣланія, т. е. какъ нѣчто, что входитъ въ составъ науки. Конечно, задача педагоговъ, какъ представителей науки, должна заключаться въ томъ, чтобы непреложность эта становилась незыблемой, а количество подобныхъ законовъ въ педагогикѣ увеличивалось. Можетъ быть, изученіе исторіи воспитанія въ разныхъ странахъ, изученіе исторіи семьи и школы, психологія народовъ,—все это вмѣстѣ взятое, раскроетъ объектив-

ные признаки универсальнаго воспитанія на незыблемо научныхъ законахъ.

На попытку англичанъ Милля, Бокля и Бэна установить точную науку жизни—телеологію, т. е. науку о цѣляхъ, каковой, частью, является и педагогика,—К. Д. Ушинскій, смотрѣлъ отрицательно, какъ на безплодную, не приводящую ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Въ статьѣ „О народности въ общественномъ воспитаніи“ [1]) К. Д. Ушинскій говоритъ: „То, что прилагается къ наукѣ, не можетъ быть приложено къ воспитанію. *Воспитаніе не имѣетъ цѣлію развитія науки, а для него наука не цѣль, а одно изъ средствъ*, которыми оно развиваетъ въ человѣкѣ свой *собственный идеалъ*. Воспитаніе беретъ человѣка *всего*, какъ онъ есть, со всѣми его народными и единичными особенностями,—его тѣло, душу и умъ,—и прежде всего *обращается къ характеру* человѣка; а характеръ и есть та почва, въ которой коренится *народность*. Почва эта, разнообразная до безконечности, прежде всего, однако, распадается на большія группы, называемыя народностями. Можно ли и должно ли разрабатывать эти различныя почвы одними и тѣми же орудіями, сѣять и производить на нихъ одни и тѣ же растенія,—или для каждой почвы педагогика должна открыть особыя орудія и особыя, этой почвѣ свойственныя, растенія?“ Вотъ вопросы, которые Ушинскій ставитъ себѣ,—и даетъ на нихъ слѣдующій отвѣтъ: несмотря на *сходство педагогическихъ формъ всѣхъ европейскихъ народовъ*, у каждаго изъ нихъ своя особенная *національная система воспитанія*, своя *особая цѣль* и свои *особыя средства* къ достиженію этой цѣли [2])... Если *наука интернаціональна*, космополитична, универсальна, а другой она не можетъ и не должна быть, иначе, какъ потерявъ значеніе науки, то воспитаніе многообразно, всегда національно и народно. Сколько крупныхъ народностей, далѣе замѣчаетъ Ушинскій, столько и системъ воспитанія. Съ послѣднимъ не приходится спорить. Дѣйствительно, у каждаго народа, до извѣстной степени, система воспитанія носитъ народный характеръ, т. е. въ воспитаніи существуетъ своя особая окраска одинаковыхъ въ сущности *цѣлей* воспитанія и особыя *средства* къ достиженію этихъ цѣлей. Но вмѣстѣ съ этимъ мы не можемъ не замѣтить, что есть и чрезвычайно много общаго, сходнаго во всѣхъ системахъ воспитанія европейскихъ народовъ и

[1]) Стр. 26.

[2]) Ibidem, стр. 31.

это касается не только педагогической формы, но и самаго *содержанія* педагогики,—внутренней сущности ея. Мы имѣемъ въ виду христіанское міровоззрѣніе европейскихъ народовъ: оно вездѣ однородно и оно опредѣляетъ *существо* воспитанія.

Попытки Милля, Бокля, Бэна, а въ настоящее время нѣмца Дильтея установить науку о жизни, о цѣляхъ—чрезвычайно цѣнны. И въ педагогикѣ научность опредѣляется и должна опредѣляться дѣйствующими причинами, не въ смыслѣ дѣйствующихъ средствъ воспитанія, а дѣйствующихъ принциповъ воспитанія, въ видѣ обоснованнаго педагогическаго міровоззрѣнія, педагогической идеи, какъ законовъ разумнаго воспитанія. Совершенно правъ К. Д. Ушинскій, утверждая, что воспитаніе не имѣетъ цѣлью развитія науки самой по себѣ. Но и всякая наука не цѣль сама въ себѣ, а всегда одно изъ средствъ. И въ математикѣ наука не цѣль, а средство теоретическаго и практическаго развитія человѣка. Но вотъ, что вызываетъ недоумѣніе: какъ могла бы педагогика развивать въ человѣкѣ свой собственный идеалъ, если бы не было *научныхъ доказательствъ цѣнности этого, а не другого идеала?!* Педагогика, какъ наука, какъ разъ и должна заниматься тѣмъ, чтобы раскрывать точно, научно объективныя основы для принятія всѣми выставляемаго ею идеала. Но понятіе идеала коренится, говоритъ Ушинскій, въ народной совѣсти, въ характерѣ народа, въ той почвѣ, которая не можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Почва эта требуетъ различныхъ орудій разработки и различнаго посѣва. Не отрицая этого, мы не можемъ не добавить, что современная психологія знаетъ попытки научнаго изученія самого характера, какъ такового [1]). Успѣхи психологіи уничтожаютъ спорность коренныхъ вопросовъ въ педагогикѣ, устанавливая прочнѣе значеніе ея, какъ науки. Не можемъ не отмѣтить, что и самъ Ушинскій въ Антропологіи (2-й томъ) говоритъ объ изученіи образованія характера, указываетъ и на законы въ образованіи характера, т. е. до нѣкоторой степени обосновываетъ науку о характерѣ. А разъ корень воспитанія, по словамъ К. Д. Ушинскаго, лежитъ въ характерѣ народа, слѣдовательно, Ушинскій тѣмъ самымъ обосновываетъ и *науку* о воспитаніи.

Въ другомъ мѣстѣ той же статьи [2]) К. Д. Ушинскій говоритъ слѣдующее: „По страсти своей все систематизировать, германцы возвели и искусство воспитанія на степень науки, наравнѣ съ безчислен-

---

[1]) См. Лазурскій, „Опытъ науки о характерѣ“.

[2]) ibidem, стр. 32.

нымъ множествомъ другихъ чисто нѣмецкихъ наукъ, и съ любовію разработали ее въ многотомныя системы, обладающія тысячами подраздѣленій. Но, несмотря на твердое убѣжденіе большинства нѣмецкихъ педагоговъ, что они работаютъ надъ *воспитаніемъ человѣка вообще*, къ какому бы народу онъ ни принадлежалъ, *нѣмецкая педагогика—наука чисто нѣмецкая*. Стоитъ только безпристрастному читателю другой націи прочесть три, четыре нѣмецкія педагогики, чтобы убѣдиться, что идеалъ человѣка, воспитаніе котораго въ нихъ разрабатывается, *нѣмецкій esse homo, совершеннѣйшій нѣмецъ*“ [1]). „Не трудно замѣтить, что здѣсь воспитаніе приносится въ жертву наукѣ или вѣрнѣе сказать, наука и ученость являются окончательной цѣлью, къ которой направлено все воспитаніе... *Умѣнье приложить знанія къ дѣлу, укрѣпленіе душевныхъ способностей*, развитіе характера, внѣшняя полировка человѣка составляютъ для *нѣмецкой педагогики вопросы второстепенные*. Она и на самый характеръ человѣка думаетъ дѣйствовать не иначе, какъ черезъ посредство знаній“. Одновременно съ приведенными цитатами, мы не вправѣ умолчать о слѣдующемъ: въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій Ушинскій готовъ назвать педагогику, какъ и медицину, наукой, но „не въ строгомъ смыслѣ слова“ [2]), какъ онъ прибавляетъ. И даже въ одномъ мѣстѣ, говоря о необходимости теоретическаго изученія педагогики, Ушинскій прямо называетъ педагогику наукой [3]): „но, можетъ быть, какой-нибудь педагогъ - практикъ будетъ отвергать полезность теоретическаго изученія *науки* воспитанія, основываясь на достаточности его результатовъ, достигаемыхъ безъ помощи теоріи. Такому педагогу-практику мы можемъ сказать только, что онъ величайшій утопистъ и мало наблюдалъ надъ явленіями, представляемыми общественною и частною жизнью...“ Раздѣленіе Ушинскимъ педагогики на науку въ собственномъ и не собственномъ значеніи слова намъ кажется непріемлемымъ, въ виду получающагося, такимъ образомъ, quaternio terminorum въ понятіи „наука“ по отношенію къ педагогикѣ. Или *педагогика—наука, или уже совсѣмъ не наука*. Что-нибудь одно должно быть правильнымъ. Если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже наука, что, очевидно, признаетъ и К. Д. Ушинскій, то и въ другихъ отношеніяхъ она можетъ быть обращена въ науку, но недостаточная разработка ея, лѣнивая работа надъ нею, при только что начавшейся дифференціаціи ея изъ

[1]) Ibidem, стр. 33.

[2]) „О пользѣ педагогической литературы“, стр. 9.

[3]) Ibidem, стр. 7.

общей философіи въ отдѣльную науку, не позволила, *очевидно, ясно* для всѣхъ, обратить педагогику въ безспорно отдѣльную науку съ правомъ на существованіе ея, какъ отдѣльной науки,—науки принциповъ дѣланія жизни [1]). „У каждаго народа,—говоритъ Ушинскій,—своя идея о воспитаніи и въ основаніи *особой идеи воспитанія у каждаго народа лежитъ, конечно, особенная идея о человѣкѣ, о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ, по понятіямъ народа, въ извѣстный періодъ народнаго развитія. Каждый народъ имѣетъ свой особенный идеалъ человѣка и требуетъ отъ своего воспитанія воспроизведенія этого идеала въ отдѣльныхъ личностяхъ. Идеалъ этотъ у каждаго народа a) соотвѣтствуетъ его характеру, b) опредѣляется его общественною жизнью, c) развивается вмѣстѣ съ его развитіемъ, и d) выясненіе его составляетъ главнѣйшую задачу каждой народной литературы.* Всякій народъ въ своей литературѣ,—продолжаетъ Ушинскій—начиная пѣснею, пословицею, сказкою и оканчивая драмою и романомъ, выражаетъ свои убѣжденія о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ по его понятію. Онъ украшаетъ этого идеальнаго человѣка всѣми лучшими качествами души своей, и если народный идеалъ человѣка не всегда сообразенъ съ правилами строгой христіанской нравственности, то это только потому, что *сама христіанская нравственность не вполнѣ еще укоренилась въ томъ или другомъ народѣ*; но каковъ бы ни былъ этотъ идеалъ, онъ всегда выражаетъ собою *степень самосознанія народа, его взглядъ на пороки и добродѣтели*,—выражаетъ народную совѣсть [2])... То, что казалось безукоризненно-хорошимъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, имѣетъ въ глазахъ современнаго человѣчества совершенно другую цѣну... Факты общественной жизни различныхъ народовъ только подтверждаютъ показанія литературы... Нѣтъ сомнѣнія, что народный идеалъ человѣка видоизмѣняется въ каждомъ народѣ по сословіямъ; но *всѣ эти видоизмѣненія носятъ на себѣ одинъ и тотъ же національный типъ* въ разныхъ степеняхъ его развитія: это—отраженіе одного и того же образа въ разныхъ сферахъ общества. ...Народный идеалъ человѣка, къ какому вѣку бы онъ не принадлежалъ, всегда хорошъ относительно этого вѣка. Немногіе въ обществѣ бываютъ выше его (это рѣдкія исключенія), большинство—ниже его; но *въ глубинѣ души каждаго шевелятся его черты.* Сознавая всю недоступность этого идеала для себя лично,

[1]) Стр. 74.
[2]) Стр. 75, ibidem.

человѣкъ, тѣмъ не менѣе, беретъ его за *образецъ*, когда начинаетъ судить о другихъ людяхъ (на этомъ основана возможность общественнаго мнѣнія); онъ желаетъ также осуществленія этого идеала въ существахъ близкихъ его сердцу и *въ этомъ чувствѣ коренится свойство тѣхъ требованій, которыя дѣлаются обществомъ воспитанію*. Естественно, такимъ образомъ, что *эти требованія должны различаться по народамъ и измѣняться въ одномъ и томъ же народѣ вмѣстѣ съ его историческимъ развитіемъ*. Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни было удалено общество отъ дѣла воспитанія и какъ бы ни чужда была ему система его, въ ней *непремѣнно отразится народный характеръ*.

Таковъ фактъ, но фактъ этотъ не признается, или, лучше сказать, забывается *теоріею воспитанія, стремящейся къ единству системы... Нѣмцы думаютъ создавать универсальные законы воспитанія, основанные на разумѣ и обязательные, какъ законы науки*, одинаково для всѣхъ народовъ". Далѣе продолжаетъ Ушинскій такъ: „Но мы смотримъ на предметъ со стороны, безъ увлеченія его обработкою, и видимъ въ этихъ стремленіяхъ къ универсальности конкретнѣйшее выраженіе чисто германскаго характера, въ этой универсальной наукѣ чисто нѣмецкую систему воспитанія, соотвѣтствующую, какъ нельзя болѣе, нѣмецкому характеру и совершенно противорѣчащую характерамъ другихъ народовъ" [1]). „Нѣмцы совершенно послѣдовательно пришли къ такому выводу: если педагогика—наука, то раціональная система этой науки, обрабатываемая исключительно въ Германіи, обязательна одинаково для всѣхъ народовъ, и все, что несогласно съ ея положеніями, есть ошибка или отсталость". Разберемся въ этихъ сужденіяхъ К. Д. Ушинскаго. Мы видимъ: всякое проявленіе въ другой странѣ считать педагогику наукой и при томъ универсальнаго характера К. Д. Ушинскій считаетъ „германизмомъ", если позволено будетъ употреблять этотъ терминъ. Съ удовольствіемъ К. Д. Ушинскій попутно отмѣчаетъ, что то тутъ, то тамъ нѣмцы начинаютъ уже сомнѣваться въ универсальномъ значеніи педагогики. Ушинскій думаетъ, что педагогика зависитъ преимущественно отъ психологіи, которая еще далека отъ совершенства, а также отъ другихъ наукъ; своего же содержанія не имѣетъ [2]). Называть педагогику *опытной наукой* (Erfahrungswissenschaft) не приходится, по мнѣнію

[1]) Ibidem, стр. 79.

[2]) См. нашу брошюру: „Педагогика—наука передъ судомъ ея противниковъ".

Ушинскаго, потому что такого особеннаго отдѣла наукъ *опытныхъ* не существуетъ. „Всякая наука основана на опытѣ, раскрывающемъ для ума содержаніе факта. Но не собраніе опытовъ составляетъ науку, а только тѣ законы, которые выясняются опытомъ; такихъ же законовъ педагогика насчитываетъ весьма мало, да и тѣ принадлежатъ другимъ наукамъ“ [1]). „Увлеченіе германской педагогикой съ ея универсальными стремленіями въ пору, когда наши убѣжденія начинаютъ зарождаться, когда, можетъ быть, кладутся основанія и русской педагогики, при нашей необыкновенной воспріимчивости, по мнѣнію Ушинскаго, чрезвычайно опасно, такъ какъ можетъ создать жалкую толпу верхоглядовъ, которымъ поверхностность ихъ покажется глубиною, пустота—полнотою и безсиліе—силою. Развѣ только наша славянская безпечность и богатство природныхъ инстинктовъ,—замѣчаетъ Ушинскій,—спасутъ насъ!“ Во всѣхъ приведенныхъ словахъ К. Д. Ушинскаго мы видимъ, что нѣмецкая педагогика, думая работать надъ воспитаніемъ человѣка вообще, esse homo, въ дѣйствительности работаетъ надъ воспитаніемъ нѣмца, т. е. она народна, а не универсальна. Но намъ кажется, что не только для нѣмцевъ, но и для другихъ народовъ, а, слѣдовательно, и для насъ также, очень важно, прежде чѣмъ воспитывать русскаго человѣка, знать, въ чемъ же заключается воспитаніе человѣка прежде всего, независимо отъ его національности, такъ какъ русскій, нѣмецъ, французъ, итальянецъ, и т. д. прежде всего человѣкъ. Безъ выясненія понятія, „воспитаніе человѣка“ легко впасть въ крайность, въ предвзятость взгляда, быть можетъ, увлечься шовинистическимъ направленіемъ. И выступить *сознательно* и *опознанно* на тотъ путь, который искони исторически и психологически заложенъ въ природу русскаго человѣка, родня его съ нѣмцемъ, вовсе не представляетъ тѣхъ опасностей, отъ которыхъ предостерегаетъ насъ К. Д. Ушинскій, создатель обширнаго и глубокаго труда „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“. Въ этомъ трудѣ, въ самомъ созданіи его *національный инстинктъ универсализма* проявился также и у національнаго реформатора, безспорно народнаго педагога прежде всего! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ крупнѣйшее научное произведеніе К. Д. Ушинскаго не раскрываетъ воспитателю физическую и духовную природу вообще человѣка для того, чтобы, идя по пути научнаго изученія, воспитать одновременно съ этимъ русскаго человѣка?! Какіе же явятся объективные признаки

[1]) Ibidem, стр. 83.

для воспитанія русскаго человѣка, какъ человѣка, если нѣтъ общаго понятія, въ чемъ должно заключаться воспитаніе человѣка?! Путь воспитанія человѣка указанъ самимъ К. Д. Ушинскимъ въ его антропологіи „Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія“ и въ статьяхъ. „О народности въ общественномъ воспитаніи“. Но въ рядѣ педагогическихъ статей, какъ-то: „Родное Слово“, „О народности въ общественномъ воспитаніи“, „О нравственномъ элементѣ въ общественномъ воспитаніи“ и другихъ, особенно часто мы сталкиваемся съ требованіемъ Ушинскаго воспитывать національно, и это потому, что въ воспитаніи русскаго человѣка Ушинскій отмѣчалъ слишкомъ *слабое* проявленіе національнаго воспитанія, необходимаго съ точки зрѣнія К. Д. Ушинскаго, какъ полное выраженіе воспитанія человѣка.

Ушинскій признавалъ *два пути* воспитанія одинаково *равноцѣнными*: воспитаніе отъ человѣка къ сыну родины и путь — отъ воспитанія сына родины къ воспитанію человѣка. Правда, послѣдній путь онъ считалъ болѣе реальнымъ, болѣе дѣйствительнымъ въ педагогическомъ дѣлѣ. Мы знаемъ, что Ушинскій вложилъ въ понятіе воспитанія человѣка, выдвинутаго Н. И. Пироговымъ, опредѣленное, соотвѣтствующее почвеннымъ русскимъ основамъ, содержаніе. Въ разработкѣ этого вопроса черезъ раскрытіе психологіи своего народа, природы человѣка вообще и намѣченнаго имъ изслѣдованія — исторіи русской семьи и школы, К. Д. Ушинскій особенно подробно высказался о необходимости національнаго воспитанія. И это понятно: вопросъ слишкомъ былъ новый, а историческій моментъ его времени, какъ мы указали, не отличался національнымъ подъемомъ; въ утвержденіи же Н. И. Пирогова: „ищи быть и будь человѣкомъ“ былъ пропущенъ національный промежуточный этапъ—реальнаго воспитанія человѣка. Реформѣ Пирогова обрадовались, потому что чувствовали особенно сильно послѣ Крымской компаніи недостатокъ въ людяхъ, но въ значительной степени и испугались девиза Пирогова: слишкомъ абстрактнымъ, слишкомъ универсальнымъ, космополитичнымъ сталъ казаться онъ многимъ. Отсюда естественная эволюція въ сторону тщательной разработки національной педагогики, представителемъ которой и явился К. Д. Ушинскій. Такимъ образомъ, Ушинскій не отличался рѣзко отъ Пирогова: оба разрабатывали педагогику для универсальныхъ задачъ, т. е. какъ науку, но только пути разработки были различны, и то только въ смыслѣ болѣе тщательной разработки одного изъ нихъ.

Въ дополненіе къ сказанному, мы хотѣли бы еще прибавить слѣдующее: не думаемъ, чтобы для нѣмецкой педагогики выработка

умѣнья приложить знанія, какъ думаетъ Ушинскій, была вопросомъ второстепеннымъ. До сихъ поръ педагогическую нѣмецкую практичность, помимо выработанной ими педагогической теоріи, мы пригоршнями переносимъ въ нашу русскую школу. Наконецъ, чѣмъ же, какъ не выработкой, воспитаніемъ умѣнья приложить знанія къ дѣлу, объясняется исключительная, не въ примѣръ другимъ народамъ, работоспособность, терпѣніе, усидчивость, общая культурность, просвѣщенность нѣмецкаго народа!? Не даромъ же міръ прозвалъ нѣмца „педантомъ“!

Универсальность нѣмцевъ, выражающаяся въ стремленіи ихъ всюду отыскивать научность, теорію, можетъ быть найдена и у насъ, но нашъ универсализмъ не теоретическій, какъ у нѣмцевъ (и въ этомъ огромная разница), а *практическій*, выражающійся часто стихійно, безъ плана въ *дѣлѣ* жизни; что нашъ народъ „плохъ на дѣлѣ“, зависитъ часто отъ малой культурности его, прежде всего отъ недостатка воспитанія и, слѣдовательно, не опровергаетъ отмѣченную нами черту. Вотъ почему намъ думается, что русскіе прежде всего создадутъ *универсальную педагогику*, какъ *новую педагогику*, потому что воспитаніе будитъ, волнуетъ въ человѣкѣ именно практическіе инстинкты его. Мы преднамѣренно подчеркиваемъ мысль, что воспитаніе будитъ практическіе инстинкты. Намъ кажется, что мнѣніе Ушинскаго о томъ, что воспитаніе не лежитъ въ природѣ, а исключительно дѣло исторіи, не вполнѣ оправдывается данными самонаблюденія и объективнаго наблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, мы замѣчаемъ, во-первыхъ, что всѣ люди естественно стремятся, чтобы ихъ воспитывали, во-вторыхъ, всѣ люди поддаются преднамѣренному или непреднамѣренному, прямому или косвенному воспитательному воздѣйствію, въ-третьихъ, всѣ люди стремятся воспитывать другихъ, такъ или иначе воздѣйствовать на другихъ, при чемъ въ этомъ естественномъ законѣ жизни мы замѣчаемъ извѣстное единообразіе: сильнѣйшій дѣйствуетъ, вліяетъ на слабѣйшаго, болѣе одаренный—на менѣе одареннаго и многое другое. Въ-четвертыхъ, мы видимъ, что жизнь рождаетъ геніевъ воспитанія съ особой педагогической интуиціей, обладающихъ педагогическимъ вдохновеніемъ, своего рода воспитательнымъ инстинктомъ сильнѣе ихъ самихъ.

Мы, конечно, не знаемъ, какой характеръ приметъ наше воспитаніе, но въ этой области многое оригинальное, несвойственное другимъ странамъ, у насъ уже проявляется. Взять хотя бы выросшіе изъ корней общества, такъ называемые родительскіе кружки, суще-

ствующіе на Руси уже 1/4 вѣка, воскресныя школы, созданныя Пироговымъ и многое другое. Въ дѣлѣ воспитанія у насъ очень часто частная иниціатива приступаетъ къ дѣлу, осуществляетъ ту или другую реформу, а затѣмъ уже теоретически ее обосновываетъ.

Интересно вспомнить отмѣченную Ушинскимъ въ статьѣ „О нравственномъ элементѣ въ общественномъ воспитаніи“ черту русской народности — удивительную воспріимчивость ко всему чужому. Чѣмъ возможно объяснить ее, какъ не чертой *практическаго универсализма* въ насъ. Черта эта, дѣйствительно, живетъ въ насъ, какъ инстинктъ, положительно стихійно. Быстрое и совершенное изученіе иностранныхъ языковъ среди русскихъ не можетъ быть объяснено только трудностью русскаго языка, пріучающаго русскихъ скоро одолѣвать наиболѣе легкіе, сравнительно съ русскимъ, иностранные языки, но предполагаетъ въ насъ наличность инстинктивной, практической черты универсальнаго характера.

Для нѣмцевъ, какъ и *для всѣхъ*, признающихъ педагогику наукой, обязателенъ выводъ силлогическаго характера, что и раціональная система этой науки обязательна для всѣхъ народовъ. Слѣдуетъ только выработать раціональную систему науки педагогики, основанія для которой положилъ уже Ушинскій созданіемъ Антропологіи и выясненіемъ истинныхъ отношеній національнаго и универсальнаго воспитанія.

Вопреки увѣреніямъ Ушинскаго, мы продолжаемъ утверждать, что педагогика имѣетъ свое собственное содержаніе, въ видѣ совокупности принциповъ ея, а не только черпаетъ это содержаніе изъ другихъ наукъ. Кромѣ того, мы должны отнести педагогику къ индуктивнымъ—опытнымъ наукамъ въ отличіе отъ дедуктивныхъ наукъ, основанныхъ на чистомъ умозрѣніи, какъ, напримѣръ, математика.

Въ настоящее время, въ противоположность признанію Ушинскаго, педагогика можетъ выдвинуть изъ добытаго ею кое-что, какъ свои законы, а не одно только собраніе опытовъ. Взять хотя бы требованіе, въ видѣ закона воспитанія,—воспитывать человѣка гармонично, вырабатывать изъ него гражданина, личность и т. д.

Въ заключеніе разбора мнѣній Ушинскаго, на вопросъ, наука или искусство педагогика, мы должны отвѣтить: и то, и другое [1]).

Самое главное, что доказали нѣмцы, это то, что педагогика, какъ наука универсальнаго характера, можетъ быть совмѣстима съ націо-

[1]) См. нашу статью „Педагогика — наука передъ судомъ ея противниковъ“.

нальностью, съ требованіями народнаго характера, но не исключаетъ его. Достаточно для насъ въ этомъ отношеніи и одного примѣра, а именно—нѣмцевъ. Мы думаемъ, что то же примѣнимо и къ русской педагогикѣ, такъ какъ національность первыхъ реформаторовъ Пирогова и Ушинскаго совпала съ требованіями универсальнаго. Требованія первыхъ реформаторовъ совпали съ исторически исконной чертой русскихъ—„соборностью“ ихъ. Какъ пойдетъ дѣло дальше, объ этомъ повѣдаетъ намъ прогрессивный ростъ человѣческихъ знаній и разработка педагогики, какъ науки, надъ созданіемъ которой поработалъ впервые народный педагогъ Ушинскій. Онъ далъ намъ не только провѣренную теорію воспитанія, но *выработалъ законы національнаго воспитанія для окончательной общечеловѣческой задачи*. Кромѣ всего вышеизложеннаго, *въ самомъ способѣ развертыванія своей системы*, а также *въ доказательствахъ*, приводимыхъ К. Д. Ушинскимъ въ пользу педагогическихъ положеній, мы убѣждаемся, что *система Ушинскаго* есть ничто иное, какъ *наука педагогика*. Въ самомъ дѣлѣ, исходя эволюціонно изъ положеній Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинскій, какъ мы видѣли въ предшествующей главѣ, развертываетъ вполнѣ логично, послѣдовательно, свое ученіе въ видѣ гуманистическаго реализма, при чемъ въ доказательствахъ, приводимыхъ имъ въ пользу своего міровоззрѣнія, ни разу не сходитъ съ пути опыта, т. е. все время остается научнымъ работникомъ. К. Д. Ушинскій, какъ вполнѣ *научный работникъ, собирая* факты, данныя опыта, никогда не отдѣлялъ ихъ отъ вопроса *объясненія* ихъ. Индукція и дедукція сплетены у него жизненно, правдиво воедино крѣпко на крѣпко. Чтобы сдѣлать воспитаніе человѣка реальнымъ, надо сдѣлать воспитаніе національнымъ, говоритъ Ушинскій. Это значитъ — прибавимъ мы въ поясненіе данной мысли — обратиться къ опыту, какъ научному орудію. Но этого мало: К. Д. Ушинскій расщепляетъ этотъ опытъ на двоякаго рода опытное изслѣдованіе въ выясненіи понятія національнаго воспитанія. Дѣйствительно, чтобы быть научнымъ до конца, а, слѣдовательно, и убѣдительнымъ въ доказательствахъ, К. Д. Ушинскій обращается къ внутреннему и внѣшнему опытамъ. Въ самомъ дѣлѣ, что же такое иное, какъ не обращеніе къ внутреннему опыту, требованіе у К. Д. Ушинскаго изслѣдовать психологію народа для выясненія національнаго воспитанія? Что же такое иное, какъ не обращеніе къ внѣшнему опыту, требованіе у К. Д. Ушинскаго изучить исторію своего народа, а также требованіе обратиться и къ сравнительному изученію народовъ? Опытный путь въ изслѣдованіи, доказа-

тельства опытнаго характера тѣхъ истинъ, которыя выставляются Ушинскимъ, какъ требованія педагогики, касается ли это выясненія значенія роднаго слова, классическаго, женскаго, университетскаго воспитанія—безразлично, требованія къ педагогикѣ давать намъ только положительную мудрость,—все это обращаетъ систему Ушинскаго, въ видѣ философскаго міровоззрѣнія, въ отдѣльную науку философскаго характера, безспорность которой могла бы стоять внѣ всякихъ сомнѣній не только у нѣмцевъ, но и у другихъ народовъ. Если философія въ настоящее время безспорно обоснована, какъ наука, то со временъ Ушинскаго не только въ будущемъ, но и въ настоящемъ стало возможно и должно говорить о педагогикѣ не иначе, какъ о наукѣ философскаго характера, не умаляя тѣмъ ничуть ея значеніе, какъ искусства.

ГЛАВА V.

Мѣсто К. Д. Ушинскаго въ исторіи русской педагогики.

К. Д. Ушинскій, относясь съ глубокимъ уваженіемъ къ Н. И. Пирогову, усвоивъ взгляды великаго реформатора, развилъ ихъ полнѣе, шире, глубже, настолько творчески переработалъ педагогическую мудрость всего своего времени, что сумѣлъ раскрыть для насъ законы, правила воспитательной дѣятельности далекаго будущаго. Въ этомъ проявилась индивидуальная геніальность К. Д. Ушинскаго, заставляющая насъ отвести ему особое, ему одному присущее, мѣсто въ исторіи русской педагогики, мѣсто второго великаго реформатора русской педагогики—мѣсто народнаго педагога.

Поскольку К. Д. Ушинскій обосновываетъ подробнѣе Пирогова необходимость общечеловѣческаго воспитанія, отмѣчая одновременно существующія у насъ къ этому препятствія, постольку онъ родственъ Пирогову; но какъ только Ушинскій развертываетъ педагогическія понятія Пирогова, дополняя ихъ новыми основаніями, онъ идетъ по новому пути, имъ самимъ избранному и обоснованному, въ видѣ гуманистическаго реализма, вылившагося у него въ форму національной педагогики. Чтобы отмѣтить новизну, оригинальность педагогическаго ученія Ушинскаго въ историческомъ развитіи новой русской реформированной педагогики, мы остановились на иномъ характерѣ міровоззрѣнія Ушинскаго, сравнительно съ Н. И. Пироговымъ, окрестили особымъ философскимъ названіемъ педагогическую систему его и формулировали основное ядро этой системы.

Если Н. И. Пироговъ указалъ впервые на цѣль воспитанія—„ищи быть и будь человѣкомъ“, Ушинскій показалъ намъ, какъ можно стать человѣкомъ, опредѣливъ новые пути реализированія въ жизни идеала, черезъ воспитаніе сына родины. Нѣсколько отвлеченную и мистическую формулу Пирогова, хотя и необходимую въ видѣ пропедевтики воспитанія, К. Д. Ушинскій обратилъ въ *дѣло* жизни, въ конкретное выраженіе, въ систему *индуктивной педагогики*. Индуктивность педагогической системы Ушинскаго проявилась въ его требованіи національнаго воспитанія. Но надо помнить, что національность К. Д. Ушинскаго предполагаетъ, включаетъ въ себя универсальность Пирогова, да и по существу своему оба эти понятія не могутъ быть отдѣлимы. Національность въ воспитаніи, не удобряемая универсальными соками, обрекаетъ себя на худосочіе и вымираніе. И это прекрасно понималъ Ушинскій. Пироговъ намѣтилъ, а К. Д. Ушинскій разработалъ возможность примиренія національнаго, какъ индивидуальнаго, съ универсальнымъ—созданіемъ разумнаго, соціальнаго, гражданскаго воспитанія, правда, не вполнѣ еще выработаннаго у Ушинскаго. Послѣднее полно было осуществлено въ исторіи русскаго воспитанія В. Я. Стоюнинымъ. Требованія Ушинскимъ—выработки общественнаго педагогическаго мнѣнія, развитія педагогической литературы, устройства народныхъ школъ, семинарій, правильной организаціи женскаго и университетскаго воспитанія—всѣ эти требованія, поднимая народъ національно, вырабатываютъ въ немъ гражданскія чувства. Развитіе же гражданственности даетъ возможность народу индивидуально участвовать въ прогрессивномъ развитіи всего человѣчества. И это отмѣтилъ Ушинскій.

Кромѣ того, К. Д. Ушинскій прибавилъ еще требованіе — познать народу себя въ корняхъ своихъ и сообразно съ этимъ строить и само воспитаніе, какъ народное дѣло, не забывая идеальныхъ задачъ воспитанія. Такъ индукція и дедукція синтетически были объединены Ушинскимъ.

Если Пироговъ указалъ на необходимость связи педагогики съ философіей, Ушинскій *доказалъ*, почему эта связь необходима. Цѣлымъ рядомъ доказательствъ философскаго характера, Ушинскій показалъ, что философская разработка педагогическихъ вопросовъ необходима потому, во-первыхъ, что отучаетъ насъ отъ слѣпого подражанія Западу, во-вторыхъ, заставляетъ сознательно выработать цѣль и средства воспитанія, и, въ-третьихъ, указываетъ на необходимость искать въ педагогикѣ положительное, а не отрицательное знаніе. Мы знаемъ,

что Н. И. Пироговъ самъ прекрасно умѣлъ слово обратить въ дѣло, но тайну этого умѣнія унесъ съ собой въ могилу. Тайну генія перваго реформатора изъ вѣчности вынесъ второй геній-реформаторъ К. Д. Ушинскій. Онъ видѣлъ больше, лучше, полнѣе и глубже другихъ и созданіемъ національной педагогики далъ намъ орудія для педагогической культуры.

Перечисляя черты русскаго народнаго характера, составляющія его духовное обличіе, историческую какъ бы традицію, скрытый идеалъ народа, которымъ онъ руководствуется всегда въ своей практической дѣятельности, Ушинскій отмѣчаетъ глубокую религіозность народа и добавляетъ, что религіозность народа—это православіе съ его всемірно историческимъ значеніемъ, а послѣднее вполнѣ совпадаетъ со скрытой силой универсально христіанскихъ началъ въ нашемъ народѣ. Дѣйствительно, самъ Ушинскій указывая на условія реализаціи идеала, или, другими словами, на конкретизированіе въ воспитаніи понятія человѣка, въ числѣ разныхъ условій, отмѣчаетъ необходимость сдѣлать міровоззрѣніе народа болѣе христіанскимъ, чѣмъ оно было до сихъ поръ. Вотъ что говоритъ Ушинскій по этому поводу, вполнѣ сочувствуя универсально христіанскому міровоззрѣнію Пирогова [1]): „начиная съ разныхъ точекъ зрѣнія, предлагая различныя средства, избирая различные пути, всѣ мы, если только мы искренни, стремимся къ одному и тому же: къ тому идеалу человѣка и человѣческой жизни, который намъ изображенъ въ личности Спасителя; ибо этотъ образецъ сталъ основою всей европейской исторіи. Христіанство—сознательное или безсознательное—вотъ тотъ, часто невидимый, но глубоко и всегда чувствуемый центръ, къ которому, пробираясь между предразсудками и эгоистическими стремленіями людей, прокладываетъ дорогу общественное мнѣніе Европы. Загляните въ сочиненія самыхъ крайнихъ матеріалистовъ и вы увидите, что ихъ теорія міросозерцанія расходится совершенно съ нравственными стремленіями тѣхъ же самыхъ людей: ихъ теорія служитъ могучимъ оправданіемъ чувственности, эгоизму, рабству, деспотизму, первенству людей по тѣлесному устройству, первенству по расамъ, поламъ, возрастамъ, угнетенію безсильнаго сильнымъ; нравственныя же ихъ стремленія идутъ совершенно въ противоположную сторону и часто направляются, именно, къ тому идеалу человѣка, который изображенъ на страницахъ Евангелія, вѣчно юныхъ, вѣчно новыхъ для Европы. Теорія, оправдывающая всякую

[1]) „Педагогическія соч. Пирогова“, стр. 498.

безнравственность и остающаяся безъ всякихъ нравственныхъ послѣдствій, и глубоко нравственныя стремленія, не оправдываемыя теоріею! Это странное явленіе и множество другихъ не доказываютъ ли, что христіанство, несмотря ни на какія теоріи, проникаетъ въ настоящее время глубже, чѣмъ когда-нибудь, въ общественное убѣжденіе Европы? Въ настоящее время общественное мнѣніе такъ настроено, что стоитъ только быть угнетеннымъ, бѣднымъ, униженнымъ, чтобы возбудить его въ свою пользу: оно заботится о тѣхъ классахъ общества и о тѣхъ расахъ, которыя сами о себѣ не заботятся; оно обращается съ участіемъ даже къ преступникамъ и ищетъ возможности ихъ оправданія. Кто хочетъ составить себѣ имя, привлечь общественное вниманіе, тотъ, по крайней мѣрѣ, притворяется человѣкомъ, глубоко сочувствующимъ бѣдности и несчастію и рисуется готовымъ на всякое самопожертвованіе въ пользу своихъ меньшихъ братьевъ [1]). Развитіе этого гуманнаго, христіанскаго и современнаго европейскаго характера въ душѣ воспитанника, заканчиваетъ Ушинскій, составляетъ безъ сомнѣнія, по мнѣнію Н. И. Пирогова, основную и окончательную цѣль воспитанія". И самъ К. Д. Ушинскій подчеркиваетъ значеніе воспитанія человѣка, потому что воспитаніе прежде всего человѣка въ воспитанникѣ—„это, дѣйствительно, столько же требованіе христіанства и современности, сколько и требованіе здравой педагогики, основанной на психологіи... Христіанство—это и есть та гуманность, о которой наиболѣе обязано заботиться истинное воспитаніе".

Гуманность нашего народа вытекаетъ изъ врожденнаго идеализма и религіозности народа, углубленія его во внутренній міръ, стремленія его къ нравственному самоусовершенствованію, что и отмѣчаетъ Ушинскій въ разныхъ мѣстахъ своихъ педагогическихъ сочиненій.

Отношеніе личности къ обществу было прекрасно выяснено Вл. Соловьевымъ въ сочиненіи его „Оправданіе Добра". Индивидуумъ—это суженное неорганизованное, потенціальное общество, а общество—это размноженная, организованная, обнаруженная индивидуальность. Одно безъ другого не можетъ существовать, а оба предполагаютъ, включаютъ въ себя другъ друга. Такимъ образомъ, Н. И. Пироговъ въ центръ своей педагогической системы поставилъ воспитаніе индивидуума—потенціальное общество, а К. Д. Ушинскій, благодаря добавочнымъ педагогическимъ изысканіямъ, показалъ, почему и какъ индивидуумъ долженъ быть обращенъ въ организованную личность, т. е. въ

[1]) Ibidem, стр. 499.

общество людей, соединенныхъ цементомъ нравственныхъ элементовъ, образующихъ то, что мы называемъ „наша національность“. Такъ можетъ быть установлено истинное отношеніе между педагогическими системами Н. И. Пирогова и К. Д. Ушинскаго при помощи психологическаго и историческаго ихъ изученія.

Необходимость созданія національной педагогики изъ корней психологіи и исторіи народа останется прочнымъ кореннымъ достояніемъ для всякихъ будущихъ работъ въ индуктивной педагогикѣ.

К. Д. Ушинскій,—изслѣдователь русской исторической правды—истины, не смущался отмѣтить въ очертаніи народнаго характера и слабыя стороны его, хотя бы, какъ онъ выражался, запахъ русскаго кваса, напримѣръ, въ національной чертѣ русскаго патріотизма, въ русской религіозности—оттѣнокъ суевѣрія, въ чувствахъ—раздвоенность, въ волевой дѣятельности—силу инстинкта. Всѣ недочеты народнаго характера, остающагося однороднымъ на всемъ протяженіи исторіи, могутъ быть сглажены, говоритъ Ушинскій, при помощи ясно понятаго, раціонально созданнаго національнаго воспитанія.

Если Ушинскій, отмѣчая религіозность русскаго народа, какъ основную черту его, тѣмъ не менѣе требовалъ отъ народа болѣе христіанскаго міровоззрѣнія, то это потому, что онъ понималъ, что естественное въ человѣкѣ обладаетъ особенностью быстро исчезать, стушевываться безъ благопріятной питательной среды, выращивающей естественныя, прекрасныя, лучшія черты народа. Воспитаніе—вотъ та питательная среда, которая не только извлекаетъ, обнаруживаетъ, но и выращиваетъ, развиваетъ то, что лежитъ въ самомъ корнѣ народнаго характера, сглаживая тѣмъ же воспитаніемъ понятые недостатки народнаго характера. Раскрыть содержаніе такого воспитанія составляло задачу педагогической системы Ушинскаго, какъ научно-философски обоснованнаго міровоззрѣнія его.

К. Д. Ушинскій 15 лѣтъ работалъ надъ созданіемъ разумнаго русскаго народнаго образованія. Почти все, созданное имъ, держится до нашего времени. Конечно, педагогическое дѣло со временъ Ушинскаго развивалось, можетъ быть, не всегда явнымъ, видимымъ для всѣхъ образомъ, но К. Д. Ушинскій и до сихъ поръ изъ-за гроба продолжаетъ учить насъ. И многое, отмѣченное Ушинскимъ, находитъ свое подтвержденіе и дополненіе въ новыхъ изслѣдованіяхъ русскихъ ученыхъ.

Правда, три четверти высказаннаго К. Д. Ушинскимъ до сихъ поръ не использованы русской школой, несмотря на то, что высказанное въ

этихъ статьяхъ — глубокая правда и единственный дѣйствительный способъ реформированія русской школы и черезъ нее и русской жизни. „Родное Слово“ Ушинскаго—этотъ систематическій руководитель для первоначальнаго обученія, единственный по цѣнности и до настоящаго времени, „Дѣтскій Міръ“ — книга для класснаго чтенія, — сообразно росту ребенка до 10 лѣтъ,—до сихъ поръ цѣнныя книги. Сочиненія Ушинскаго воспитали цѣлый рядъ поколѣній. На русскомъ книжномъ рынкѣ сочиненія Ушинскаго пользовались и пользуются небывалымъ успѣхомъ. Черезъ 10 лѣтъ по выходѣ „Педагогической Антропологіи“, она вышла 5 изданіемъ, черезъ 30 лѣтъ „Дѣтскій Міръ“ вышелъ 27 изданіемъ, черезъ 25 лѣтъ „Родное Слово“ вышло 99 изданіемъ. Фактъ въ исторіи русской педагогики безпримѣрный, а для западныхъ сосѣдей интересный, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и поучительный. Интересныя свѣдѣнія о положеніи трудовъ К. Д. Ушинскаго на нашемъ книжномъ рынкѣ можно почерпнуть изъ 2-го дополнительнаго тома педагогическихъ сочиненій его.

Созданная К. Д. Ушинскимъ національная педагогика показала, какъ надо развивать лучшія стороны народнаго характера, вырабатывать силу, постоянство, упругость, устойчивость и гибкость его и обратила вопросы воспитанія въ вопросы *реальнаго* ихъ осуществленія, *въ* самое *дѣло жизни*. И въ этомъ заключается безсмертная заслуга Ушинскаго въ исторіи русской педагогики.

ГЛАВА VI.

Значеніе К. Д. Ушинскаго въ вопросѣ построенія философіи новой русской школы.

Изучая педагогическую систему К. Д. Ушинскаго, мы дѣлаемъ это не только для того, чтобы подробнѣе познакомиться съ его педагогическою дѣятельностью, но также и для того, чтобы найти общій, направляющій развитіе русской педагогики, *духъ*, общія идеи, основныя черты, разбросанныя въ различныхъ педагогическихъ системахъ. Мы производили анализъ педагогическихъ системъ Пирогова и Ушинскаго для того, чтобы при помощи подобнаго изслѣдованія понять болѣе глубокое, но зато и самое коренное въ каждой изъ системъ, а затѣмъ уже *изъ коренного*, какъ основного, непреходящаго, создать путемъ синтеза элементовъ, не только просто голую схему, но съ опредѣленнымъ содержаніемъ *общее міровоззрѣніе*, какъ планъ для будущаго изъ изученнаго прошлаго. Мы называемъ построеніе такого общаго

міровоззрѣнія для новой русской школы будущаго, какъ фундамента ея,—философіей новой русской школы [1]).

Назвали мы руководящую педагогическую идею всѣхъ школьныхъ реформъ философіей новой русской школы потому, что считали, что педагогическая идея должна выразиться въ видѣ цѣлаго міровоззрѣнія, т. е. совокупности идей, какъ отвѣтовъ на насущные вопросы жизни—это съ одной стороны, а съ другой — мы считали необходимымъ при помощи опредѣленныхъ путей изслѣдованія обратить субъективную увѣренность, что выработка этой идеи назрѣла, въ объективную достовѣрность, въ философски обоснованное знаніе. Исторія русской педагогики, широко захватывая почти всѣ вопросы воспитанія, какъ вопросы самой жизни, даже больше, какъ запросы человѣческаго духа, даетъ богатый матеріалъ для построенія философіи или міровоззрѣнія, какъ руководящаго начала для педагогическаго дѣла.

Прежде всего необходимо созиданіе единства въ представленіи идеала русской школы, единства міровоззрѣнія. Очевидно, потребность въ выработкѣ единства міровоззрѣнія уже настолько назрѣла въ русскомъ обществѣ, что представителями другой науки, столь родственной педагогикѣ, какъ русская литература, отыскиваются начала того же единства. Русская литература полно выражаетъ русскую духовную жизнь, семейную и общественную стороны ея, поэтому въ ней яснѣе, чѣмъ въ другихъ наукахъ, проявились руководящіе идеалы и воспитанія.

Философія новой русской школы, какъ единство міровоззрѣнія на почвѣ историческаго, психологическаго изученія народнаго характера, впервые выдвинутая педагогической системой К. Д. Ушинскаго, составляла для него задачу, полное рѣшеніе которой, по его мнѣнію, принадлежитъ далекому будущему. Отлично понимая, что каждая эпоха имѣетъ свое опредѣленное содержаніе, Ушинскій тѣмъ не менѣе находилъ возможнымъ обнаруживать эти элементы, которые могутъ быть прослѣжены въ русской жизни, какъ черты ея народности отъ древности до новаго времени. На попытку обнаружить это единство Ушинскій смотрѣлъ, какъ на очень трудную работу не только потому, что сложное, многообразное, хаотичное, какъ въ русской педагогикѣ, съ трудомъ можетъ быть приведено къ единству, но и потому еще, что наша національность слишкомъ еще подспудна. Мы просто напросто не желаемъ признавать ее. Академикъ Истринъ въ своей

[1]) См. „Будущее въ нашихъ рукахъ“, „Педагогика, какъ наука“.

статьѣ „Опытъ методологическаго введенія въ исторіи русской литературы XIX вѣка (выпускъ I, 1907 г.) съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, что и Ушинскій (исторической и психологической), указываетъ, что историки время отъ времени всегда отмѣчали какъ бы снова вызванное къ жизни старое явленіе—живучесть идей, заложенныхъ въ корняхъ народной психологіи. Эта же повторяемость старыхъ явленій, говоритъ Ушинскій, заложена въ сущность того же самаго, тожественнаго себѣ, народнаго характера, какъ сокровенная сущность народа, какъ ядро, обозначающее нравственный обликъ его. Этотъ обликъ, эту сущность повторяемости историческихъ событій, переживаній и дѣлъ народа впервые пробовалъ въ русской жизни для новаго воспитанія открыть предъ нами К. Д. Ушинскій, и, сообразно открытому характеру народа, создалъ педагогическое ученіе свое въ видѣ педагогическихъ принциповъ, въ видѣ системы гуманистическаго реализма съ идеалистической основой въ ней. Прежде надо было открыть народный характеръ и, воплотивъ его въ себѣ, создать для народа не чуждую, а родную, близкую ему педагогическую систему. И это выполнилъ другъ народа—К. Д. Ушинскій.

Чрезвычайно цѣнны изслѣдованія новаго времени въ другихъ наукахъ, подтверждающія наличность „закона традицій“ въ русской жизни, позволяющія связать старое и новое въ одно органическое цѣлое, и открывающія тѣ же черты національности, что были отмѣчены и Ушинскимъ [1]). „Если мы будемъ въ состояніи провести какое-нибудь свойство черезъ всѣ столѣтія и замѣтимъ“, говоритъ академикъ Истринъ: „что наши писатели всѣхъ временъ, независимо отъ специфическихъ особенностей, свойственныхъ данному времени, обнаруживаютъ, напримѣръ, тенденцію непротивленія злу, то это мы назовемъ тѣмъ руководящимъ направленіемъ, которое проходитъ черезъ всю литературу“.

Появленіе на книжномъ рынкѣ книгъ Иванова-Разумника и Андреевича „Опытъ философіи русской литературы“, какъ бы къ нимъ не относиться, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, выражаютъ назрѣвшую потребность въ обществѣ—выработать общее міровоззрѣніе на нашу жизнь, связать старое съ новымъ такъ, чтобы старое уяснило настоящее и правильно указало пути будущаго развитія.

Это возможно сдѣлать и тѣмъ удовлетворить назрѣвшія потребности, но не иначе, какъ принявъ во вниманіе законы исторической

---

[1]) Ibidem, стр. 28.

перспективы во всей полнотѣ ихъ, т. е. научно учитывая наличность разнообразныхъ условій такъ называемыхъ „историческихъ моментовъ". К. Д. Ушинскій пробовалъ въ воспитаніи раскрыть народную традицію, народный характеръ и, успѣшно исполнивъ эту работу, обосновалъ и установилъ не отвлеченное, но конкретное, реальное, иначе національное воспитаніе, соблюдая до педантичности требованія современнаго научнаго изслѣдованія и не противорѣча идеально-универсальнымъ стремленіямъ своего народа, представителемъ котораго былъ онъ самъ.

ГЛАВА VII.

Заключеніе.

Вся кратковременная, но плодотворная педагогическая дѣятельность К. Д. Ушинскаго протекла въ Петербургѣ. Здѣсь переживалъ онъ и горе, и радости своей жизни и здѣсь же оставилъ онъ всѣ лучшія духовныя, творческія силы свои. Съ глубокой любовію, нѣжностью и теплотою говоритъ Ушинскій о нашей столицѣ, гдѣ онъ чувствовалъ жизнь и подчасъ, остро страдая, здѣсь же растрачивалъ и терялъ ее. Вотъ что говоритъ самъ К. Д. Ушинскій въ письмѣ къ близкому другу Я. П. Пугачевскому [1]): „худъ ли, хорошъ ли Петербургъ—я съ нимъ сжился сердцемъ, въ немъ протекла самая существенная часть моей жизни: много перечувствовано и горя, и радости, и много проработано; тамъ я таскался безъ куска хлѣба и тамъ же составилъ состояніе; тамъ напрасно искалъ мѣста уѣзднаго учителя и бесѣдовалъ съ Царями; тамъ былъ невѣдомъ ни одной душѣ и тамъ пріобрѣлъ себѣ имя—надѣюсь честное — и вотъ почему слеза навертывается у меня на глаза, когда я вспоминаю Петербургъ и что, по всей вѣроятности, мнѣ уже болѣе не видать его". Предчувствіе сбылось: К. Д. Ушинскому, захватившему въ Петербургѣ чахотку, было запрещено жить въ любимомъ, близкомъ, родномъ для него городѣ. Слѣдовало бы Петербургу, справедливо говоритъ М. Н. Песковскій, мѣсту расцвѣта педагогической дѣятельности Ушинскаго, устроить музей имени великаго реформатора, національнаго педагога, и въ немъ собрать все, что такъ или иначе, прямо или косвенно, относится къ этому великому русскому имени. Не мѣшало бы городу Петербургу взять на себя починъ собрать народныя пожертвованія и на народныя

---

[1]) Песковскій, „Біогр. К. Д. Ушинскаго".

деньги поставить памятникъ К. Д. Ушинскому, какъ первому организатору русской народной школы, особенно теперь это необходимо, когда всеобщее обученіе признано, какъ фактъ первой государственной необходимости.

Что касается женскихъ институтовъ, для которыхъ такъ много поработалъ К. Д. Ушинскій, для которыхъ цѣною своей жизни купилъ право на свободное, серьезное, научное высшее педагогическое образованіе, облегчивъ даже самую жизнь институтокъ, имъ слѣдовало бы чаще напоминать о великомъ имени К. Д. Ушинскаго, о педагогической дѣятельности его и воспитывать ихъ въ глубокомъ, сознательномъ уваженіи къ творцу „Родного Слова“, „Дѣтскаго Міра“, черезъ изученіе которыхъ неминуемо проходитъ все наше подрастающее поколѣніе. Смольному же институту, обѣимъ половинамъ его, гдѣ протекла безмѣрно плодотворная дѣятельность Ушинскаго въ качествѣ инспектора института, и реформами котораго до сихъ поръ живутъ, начиная съ этого момента и мѣста, всѣ русскіе институты, слѣдовало бы поставить въ залахъ института на видномъ мѣстѣ бюстъ К. Д. Ушинскаго, а на большой, видимой для проходящаго глаза, площади у Смольнаго института—памятникъ великому педагогу, другу народа и хотя бы разъ въ годъ учредить „памятный день“, посвященный исключительно разработкѣ, воспоминаніямъ педагогическаго дѣла національнаго реформатора.

Мы живемъ для лучшаго будущаго, мы жаждемъ свѣтлѣе сдѣлать настоящее, но черезъ это самое мы связаны съ предками, съ отошедшими „великими нашими спутниками“. Вѣчная память о нихъ—лучъ свѣта при нашемъ безлюдіи, источникъ нравственнаго развитія для новаго поколѣнія.

Серьезная, плодотворная педагогическая дѣятельность нашихъ реформаторовъ указываетъ на настоятельную необходимость введенія каѳедръ педагогики во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ женскихъ, такъ и мужскихъ. Естественный инстинктъ отцовства, какъ и материнства, одинаково слѣдуетъ путемъ разумно понятой педагогики обратить въ сознательный двигатель жизни на пути прогресса человѣчества. Введеніе каѳедръ исторіи русской педагогики создастъ цѣлесообразную русскую школу и обезпечитъ новой русской школѣ прочность фундамента ея [1]). „К. Д. Ушинскій далеко опередилъ русское общество и бралъ съ бою каждый свой успѣхъ въ жизни“... „и

[1]) Песковскій, „Біографія К. Д. Ушинскаго“.

душа перегорѣла у него“... „Условія, при которыхъ работалъ Ушинскій, мало чѣмъ отличались отъ условій жизни Гоголя“... „Если Ушинскій добился успѣха, широкаго, небывалаго распространенія „Родного Слова“ включительно ъ статарскими медресе, зато онъ потерялъ, какъ замѣчаетъ Песковскій въ біографическомъ очеркѣ объ Ушинскомъ, полъ-жизни своей, на которую онъ могъ расчитывать по замѣчательной воздержанности, аккуратности жизни. Это нужно знать русскимъ людямъ, чтобы достойно цѣнить заслуги своихъ великихъ работниковъ“.

Близъ Кіева, въ Выдубицкомъ монастырѣ, недалеко отъ церкви, въ 40 саженяхъ отъ входа въ монастырскую ограду, покоится прахъ Ушинскаго. Скромный, бѣлый мраморный крестъ, изящная рѣшетка, цвѣты, развѣсистый, старый тѣнистый каштанъ, куполообразно свѣшивающійся надъ могилой, въ густыхъ вѣтвяхъ котораго щебечутъ птички, какъ бы славословя память усопшаго, скромное, краткое, но краснорѣчивое жизнеописаніе великаго реформатора на крестѣ: „К. Д. Ушинскій авторъ Дѣтскаго Міра, Родного Слова и Педагогической Антропологіи умеръ 21-го декабря 1870 года на 47 году жизни“, а далѣе надпись изъ Апокалипсиса: „блаженіи мертвіи умирающіи о Господѣ, отъ нынѣ. Ей, глаголетъ Духъ,—да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо ихъ ходятъ вслѣдъ за ними“.

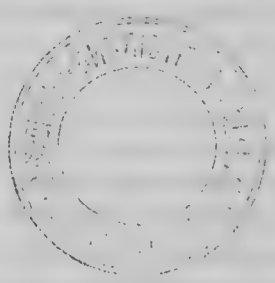
К. Д. Ушинскій умеръ, какъ праведникъ. Часа за четыре до смерти онъ почувствовалъ полное облегченіе, говорилъ, что ему хорошо, очень хорошо, но только недостаетъ одного: „Свѣта! Побольше бы свѣта“ [1])!

Ушинскій все еще жаловался на недостатокъ свѣта, даже когда зажгли четыре свѣчи, потомъ шесть, наконецъ, всю комнату кругомъ освѣтили яркимъ свѣтомъ,—тогда Константинъ Дмитріевичъ пожелалъ покинуть кресло, на которомъ онъ сидѣлъ, пожелалъ лечь въ постель и одѣться въ чистое бѣлье.

Когда все это было исполнено, онъ попросилъ своего родственника читать „Ундину“ Жуковскаго. Когда чтеніе „Ундины“ окончилось, Ушинскій позвалъ къ себѣ всѣхъ дѣтей и, какъ всегда онъ дѣлалъ на ночь, усердно помолился вмѣстѣ съ ними, благословилъ ихъ всѣхъ на сонъ грядущій, всѣхъ перекрестилъ, простился съ ними и—уснулъ... уснулъ навѣки.

---

[1]) „Нашъ родной учитель“ (К. Д. Ушинскій), біограф. очеркъ В. Е. Ермилова 1899 г., стр. 64, 65, 66.

К. Д. Ушинскій не только всю жизнь свою мечталъ о свѣтѣ, но онъ, дѣйствительно, и далъ свѣтъ просвѣщенія своему родному, дорогому народу.

В. Волковичъ.